

КАЮТА КОМАНДИРА

предоставляемая художникам;

А также в журнале будет карта-вкладыш по какому-нибудь фантастическому произведению
Стоимость журнала: 30 рублей номер;

Условия предварительной подписки:

Вслать на один из адресов:

почта: 397702, Воронежская область, г. Бобров, ул. Колхозная, д. 84, Субботину Валентину;
e-mail: editor@f-hobby.net, fhobby@vmail.ru

заявку, примерно следующего типа: «Я, такой-то и такой-то, согласен подписаться на журнал, начиная с 7-го номера по цене 30 рублей за номер. Мне необходимо столько то экземпляров. Предоплату за 7 и 8 номера журнала, готов произвести. Мой почтовый адрес: такой-то, e-mail: такой-то».

По результатам предварительной подписки мы увидим, стоит ли делать журнал подписным, да и вообще издавать его. Если на журнал подпишется достаточное количество людей, чтобы окупать его издание в типографии, мы сообщим вам об этом на наших страницах — в 6-м номере журнала или на сайте журнала. Т.е. откроем действительную подписку.

Итак, друзья, дело за вами. Сейчас вы решаете — будет существовать журнал или нет.

Редакция журнала объявляет, что к рассмотрению принимаются рукописи художественных произведений в категории «фантастический рассказ».

Требования к рукописи:

1. Жанр: научная фантастика, фэнтези, космическая опера, турбореализм, техноромантизм, киберпанк, папанк, альтернативная и криптоистория...

Примечание: направления фантастики, неизвестные редакции, также приветствуются.

2. Размер рукописи: в пределах 80000 символов, включая пробелы;

— на каждую статью — отдельным Word/ASCII файлом (в последнем случае форматирование текста может быть утеряно). В случае Word — только формат Word97, без макро, без ActiveX и т.п. включений (файлы с этими компонентами будут игнорироваться без дальнейших объяснений);

— графические файлы, при возможности — в наименее «обработанном» — преобразованном из формата в формат — виде, если возможно — в формате без потери качества (т.е., не *.jpg), для архивных целей;

— графические файлы, присутствующие в Word-документах и необходимые как часть статьи, присылать отдельно;

— избегать, где только возможно, русских имён файлов;

— сжимать коллекцию файлов выпуска или части выпуска при помощи архиватора (ZIP, RAR, ACE) и высылать уже архив.

Примечание: Наилучший способ передачи, в отсутствие быстрого HTTP/FTP-сервера с «толстым» каналом — вероятно, на CD-R/CD-RW/FDD (обычной почтой).

Рукописи можно присылать по электронной почте по адресам:

Интернет. e-mail: vitk@newmail.ru, censor@f-hobby.net

Фидонет. Net-mail: 2:5025/3.3

Флоппинет. На дискетах по адресу: Виталию Калинин, г. Воронеж, ул. Средне-Московская, д. 7, кв. 78, 394030, Россия.



ЭТОТ НОМЕР ГОТОВИЛИ:

Олег Логачев (верстка): 630005, Новосибирск, ул. Гоголя 21а, кв.2; e-mail: duric@online.nsk.su

Юлия Налбандян: 344090, Ростов-на-Дону, ул. Зорге, 28/1, кв.166; e-mail: nalb@math.rsu.ru

Антон Федоров: 117526, Москва, Ленинский пр., 144/5, кв.61; e-mail: hcab@gagarinclub.ru

Художник **Владимир Савватеев** (Улан-Удэ)

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ!

ГОЛОС

3 (15)
2001

F-Хобби

В 2001 году на свет появился самостоятельный журнал «F-Хобби», с которым у «Голоса» сразу началось весьма плодотворное сотрудничество. Редакция нового издания поместила в 2-м номере свой отзыв о «Голосе», а мы в период «затишья» пристроили туда несколько материалов... С новым журналом стал работать и «наш» художник Володя Савватеев (персональная страница Володи, расположенная по адресу www.kalgaonline.com/html/featured_art_2001.html). Энтузиазм редактора, Валентина Субботина, привел к признанию «F-Хобби» лучшим фэнзином (журналом, посвященным фантастике) года на фестивалях в Волгограде и Перми, к превращению «брошюры» в солидное, выходящее в типографии, издание с далеко идущими планами. Мы с удовольствием публикуем сегодня обращение редакции «F-НОВВУ» к читателям.

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА:	Владислав КРАПИВИН БЕЛЫЕ БАШНИ ГОРОДА	3
Владислав Крапивин	OFF-LINE ИНТЕРВЬЮ С В. П. КРАПИВИНЫМ	7
Дмитрий Байкалов	Валентин ЛУКЪЯНИН КРАПИВИН В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ	16
Г.Нефедова	Владислав КРАПИВИН РАЗЪЯСНЕНИЯ АВТОРА	22
Андрей Земсков	Борис ТАРАКАНОВ ВСЕ, ЧТО ПОМНИТСЯ — БЫЛО	24
Игорь Глотов	Дмитрий БАЙКАЛОВ ЛЮДИ ЖИВЫХ МИРОВ	27
Борис Тараканов 125299, Москва, 2-й Новоподмосковный пер. 3а, кв.5	НЕОКОНЧЕННЫЙ РАЗГОВОР или РАЗДУМЬЯ О КАССИЛЕ, И НЕ ТОЛЬКО	31
Юлия Налбандян 344090, Ростов-на-Дону, ул. Зорге, 28/1, кв.166; e-mail: nalb@math.rsu.ru	Г.НЕФЕДОВА О КАССИЛЕ В ПОКРОВСКЕ	33
Людмила Рыжикова 241000, Брянск, почтаamt, а/я 173	Юлия НАЛБАНДЯН МОЙ КАССИЛЬ	34
Вадим Филиппов philippov@inbox.ru	Людмила РЫЖИКОВА РАЗМЫШЛЕНИЯ	37
Ольга Пряжникова 140050, Московская обл., пос. Красково, ул. Школьная, 9, кв.54	Вадим ФИЛИППОВ СЛАВНЫЙ АВГУСТ 2000-го	39
Мария Троицкая Адрес в редакции	«Я ВАМ ПИШУ» (письма читателей)	42
	Ольга ПРЯЖНИКОВА — Мария ТРОИЦКАЯ ТЕМА ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ	45
	Андрей ЗЕМСКОВ СТИХИ	48
	Игорь ГЛОТОВ СТИХИ	49
	ОБЪЯВЛЕНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «F-НОВВУ»	51

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Те из вас, кто уже получает журнал, могут на примере 6-го номера увидеть, каким он станет — по оформлению, содержанию, объему: с этого номера (6-й номер — точно) журнал будет выходить в типографии и с цветной обложкой. Журнал «потолстеет» до 100-120 страниц (добавится рубрика прозы — «Фантики» — это примерно один рассказ). Возможность издать журнал в типографии нашлась пока на один номер, 6-й. Но, согласитесь, журнал, изданный на коленке, и журнал, напечатанный в типографии — совсем разные вещи. Поэтому мы объявляем пробную подписку на наше издание, начиная с 7-го номера.

Итак, если подписка пройдет более-менее удачно, т.е. мы наберем достаточное количество подписчиков, то, начиная с 7-го номера, наш журнал будет: толстым (аж 200-220 страниц; в рубрике прозы — «Фантики» — мы будем уже публиковать несколько рассказов или одну повесть); с цветной обложкой; будет содержать следующие рубрики:

1. «Что? Где? Когда?» — происходило, происходит или будет происходить, в мире связанном с фантастикой;
2. «Кто есть кто?» — рубрика о писателях, художниках, актерах, режиссерах, т.е. людях, а также фирмах, издательствах и др., связанных с фантастикой;

3. «Слово Мастеру» — вопросы читателей к уже состоявшемуся, в мире фантастики, человеку (писателю, художнику, издателю и т.д.);

4. «Большой Совет» — предложения читателей по содержанию журнала, его оформлению, а также критика (умеренная) в адрес журнала и т.д.;

5. «Мнение» — мнение читателей по любому поводу, связанному с фантастикой (рецензии на книги, статьи и многое другое);

6. «Болталка» — интересные подборки публицистических статей, интервью, логи чатов (бесед, проходящих в Интернете) и просто треп про фантастику;

7. «Укус» — рубрика критики;

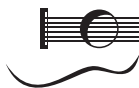
8. «Гараж» — страничка фэна №1 Бориса Загороднего;

9. «Стоп-кадр» — обзоры новинок киноновинок, рецензии и всё, всё, всё, что связано с кино;

10. «Фантастики» — раздел прозы, в котором будут публиковаться не только ваши вещи, но и произведения известных мастеров фантастики;

11. «Братья по разуму» — адреса отдельных фэнов, желающих переписываться с себе подобными, КЛФ и фэнзинов;

12. «Сны наяву» — первая и последняя страничка,



В мирной жизни ударило громом без туч,
И по телу прошёлся осколочный град.

У стены постояли и дальше пошли,
Силуэты их медленно скрылись во тьме,
Но взглядами сердце они обожгли —
Ведь навеки все трое запомнились мне.

06.08.84—11.12.85

ПУТЬ

Славе

Под солнцем южным через зной,
Под снегом мокрым и дождём,
В день светлый и ночной порой
Шёл человек своим путём.

В лицо песок и ветра клон,
Не лёгок путь, не сладок сон.
Но он переступил порог,
И шаг его был невесом.

Назад глядишь или вперёд,
Нет ни начала, ни конца,
По бесконечности идёт
От ветра не закрыв лица.

Тяжёлый груз, хоть лёгок шаг,
На плечи лёгок, и так застыл,
Над ним навис незримый знак,
Раскинув пламя алых крыл.

Когда-то жил и лишь смотрел,
Не разворачивал крыла,
Не выделялся, не горел —
Хоть истина в груди жила.

Но шторма край его задел,
И струны начали звучать,
Глаза увидели предел —
Чего другим не замечать.

Но искра вспыхнула огнём,
И пламень душу раскалил,
Простор под ноги лёг путём,
И стало ясно — час пробил.

Тот пробил час, и он пошёл
Сквозь предрассудки и молву.
Вперёд шагнув, себя обрёл,
С огнём сливая синеву.

С тех пор идёт через огонь,
Приняв все тяготы пути,
Вперёд влечёт незримый конь,
И заповедь одна — свети.

январь 1990

* * *

Белые перья и алые перья,
Серые тени ложатся на стены.
Строй барабанчиков встал у преддверья,
Сжатые палочки, вспухшие вены.

А за дверями тёмные силы
Душат и топчут светлых и смелых,
Радостно им, когда рядом унылы,
Там поощряют тихих и серых.

Трус там желанен, честность противна,
А равнодушные ходят в почёте.
Серость и подлость очень активна,
Просто завязнуть в этом болоте.

Пыль под ногами и солнце в зените,
Рокот сердец отражается в небе.
Дробь барабанов. Вставайте, не спите,
Чтоб не трубило зло о победе.

июнь 1987

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН БЕЛЫЕ БАШНИ ГОРОДА

Этот материал взят с сайта <http://www.rusf.ru/vk/index.htm> Мы надеемся, что он доставит немало удовольствия тем, кто лишен возможности выхода в Интернет и давно не встречался с произведениями Владислава Петровича.

хорошо со мной. Тем более, что я оказал ему немалую услугу. При каких-то странных обстоятельствах Поэт «посеял» свою обувь и теперь стыдливо шевелит под столом ступнями в белых носках с дырками. Иногда вздыхает по этому поводу. И я говорю:

— Слышь, Женя, забирай мои башмаки. У нас вроде бы один размер.

— Да ну, что ты!.. А как же ты?

— Я у себя дома. Как-нибудь извернусь...

— Ну, старик, ты меня спас! Я тебе по гроб жизни... Но все-таки как ты пойдешь босой-то?

Я смеюсь. Я в глубине души понимаю, что это сон. А во сне я умею в один миг превращаться в пацана. Мальчишкам же, как известно, гулять босиком не возбраняется. Особенно после такого ливня, который сейчас утробно гудит за окнами кабачка, обещая громадные лужи и прохладу.

Чтобы еще раз убедиться в своих способностях, в ту же минуту я перескакиваю на новую ступеньку сна и вижу себя беззаботным и десятилетним. На краю родного города Тюмени, на мокром после недавнего дождя асфальте, под серым, но ласковым, с отдаленными проблесками солнца, небом.

С обочин пахнет мокрой пылью и лопухами. Я стою на длинном пустом шоссе. Кажется, это наш пригородный Червишевский тракт. Но в то же время я знаю, что он ведет в подмосковный городок Дмитров, чьи крыши и колокольни видны впереди во влажном воздухе. Мне туда и надо.

Я подворачиваю выше щиколоток широкие потертанные штаны, толкаюсь об асфальт босыми ступнями и начинаю разбег. Скорее, скорее... Встречный воздух становится плотным, как тугая вода. Я отбрасываю назад руки, ставлю под нужным углом твердые и прямые, как закрылки, ладони. Упругая сила приподнимает меня. Лечу... Теперь главное — не

Н едавно я видел славный сон. Будто в каком-то кабаке на улице Малышева встретил одного знаменитого (очень знаменитого!) Поэта. Как он оказался в нашем городе и почему один, не знаю. Мы сидим за пластмассовым столиком, пьем не водку, а подогретое красное вино (сон же!) и заедаем удивительно аппетитными шашлыками — таких наяву я не ел уже лет двадцать...

До этого мы с Поэтом встречались всего несколько раз, в Москве — то по делам, то за общим ресторанным столом. Он, конечно, меня не помнит. Мало ли с кем он встречался, поездив по всему белу свету! Но делает вид, что помнит. С помощью окольных вопросов выяснил, как меня зовут, и теперь ведет очень дружескую беседу. Я чувствую, что ему в самом деле



потерять ощущение резонанса с тонкими струнами гравитации, которые пронизывают мое тело и душу.

Вот она, радость свободного полета! Ветер швыряет навстречу влажные клочки, штанины раскрутились и трепещут у ступней, словно их треплет зубами дожина веселых щенков...

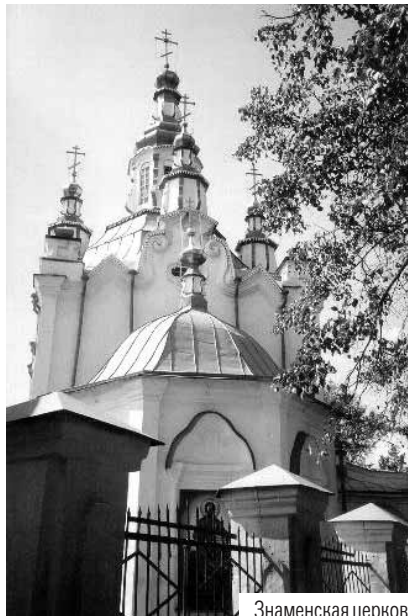
Дмитров приближается, я снижаюсь на окраине, у забора с мокрой сиренью и калиткой, на которой витое железное кольцо. Снижаюсь не совсем. Повисаю в метре над сырой лебедой. Жду.

С минуты на минуту выйдет из калитки конопатая принцесса в куцем ситцевом сарафанчике и с волосами песочного цвета. Давняя подружка моего детства, девочка моей мечты. (Была она или не была? Сон или явь?)

Я знаю, что она не умеет летать, но думаю, что, если буду крепко держать ее за руку, совместный полет получится... Да, получится! И мы полетим к моему городу, и я покажу его девочке с высоты, с волшебного отдаления. Покажу не таким, какой он на самом деле, а таким, каким он должен быть. С голубыми излучинами Туры, с белыми башнями еще не разрушенных, не взорванных церквей, с горами чистых желтых облаков над крышами. Таким, каким я видел его сам только на старинных картинах и фотоснимках...

...Кстати, совсем недавно я увидел его таким наяву. Приехал — взрослый дядька, писатель — выступать перед читателями и ахнул: высокие колокольни поднялись над старыми храмами. Такие, какими я представлял их только по давним иллюстрациям. Мне казалось, это вырастает из сказки Город моего детства.

Было удивительно, что тебя со свитой журналистов возят по улицам, где ты бегал с приятелями, спасаясь от шпаны, с замиранием разглядывал узоры старых особняков и гонял по чертополоху самодельный футбольный мяч. По улицам, где тебя изловил (непонятно, за что!) свирепый милиционер и поволок в детскую комнату. И где жаркими летними днями спешил к спасительной прохладе любимой до обмирания Туры... Странно было пить коньяк с директором родной школы — в кабинете, куда в прежние годы тебя только «приводили» за всякие грехи. И радостно было, что тебя по первой же просьбе везут в любые памятные места, куда только пожелаешь. Едешь, а белые башни родины плывут за окнами, как сбывшаяся сказка ребячьей жизни...



Знаменская церковь



ИГОРЬ ГЛОТОВ

Барабанщикам «Голубятни на жёлтой поляне» посвящается

Казематы, галереи, коридоры,
Лицеисты не желают больше гнуться.
Не сдержали ни запоры, ни заборы,
И назад они уж больше не вернуться.
Кто поменьше, уходили за ворота
От разрядников, насилия, цинизма.
А в лицей уже спешит за ротой рота,
Для порядка, что по принципам фашизма.

Наступали те, что детства их лишили,
Те, с которыми они непримиримы,
Они маленьких всерьёз не принимали,
А мальчишки взяли в руки карабины...
Уходящих за ворота прикрывали,
Отступить же не могли и не хотели.
Им приклады сильно в плечи ударяли,
Только пули почему-то не летели...

Из стволов на землю выпадали пули,
Поднимая пыли серые фонтаны.
Карабины лицеистов обманули,
И тогда мальчишки взяли барабаны.
Барабаны, барабаны, барабаны...
Барабанщиков неровная цепочка.
Губы сжатые, а палочки упрямые,
В их упорстве непоставленная точка.

Барабанов почерневших гулкий рокот
Смял, отбросил глазированные лица.
Наступления умолк тяжёлый грохот,
Отошли, но барабанщикам не скрыться.
Придавило их к стене, сжигая, пламя,
Что запущено жестокими врагами.
И с вершин они летят на камни прямо,
На мгновение замерев между зубцами.

Их бичи, огонь и страх не покорили,
Но не залечить мальчишеские раны.
Вниз шагали, о пощаде не просили,
На зубцах свои оставив барабаны.
И летели, в жгучем пламени теряясь,
Сжавши воздух обожжёнными руками.

Над Планетой в синем ветре растворяясь,
Часть ушла из пекла боя ветерками...

Ветерками улетали с поля боя,
Уходили через пламя, не сдаваясь.
Им не чувствовать ни холода, ни зноя,
Но тоска в них не угаснет, разрастаясь.
А оставшиеся, что не улетели,
Обнимали землю тонкими руками.
От горячей крови камни почернели,
И не стать уже им больше ветерками...
Барабаны, барабаны, барабаны...

ноябрь 1990 г.

ТРОЕ С ПЛОЩАДИ КАРРОНАД

Лежит в Севастополе, в мирной тиши,
Среди домиков белых площадка одна.
Спокойно играют на ней малыши.
Карронадную — так пусть зовётся она.

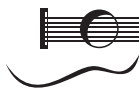
Когда звёзды зажглись и нигде ни души,
Показалось, что в рост, направляясь ко мне,
По брусчатке пошли, ну, почти малыши,
Лет по десять-двенадцать, в ночной тишине.

Их всего было трое, и шли они в ряд,
Вдоль стены на краю у площадки встали
Боевой, несгибаемый малый отряд,
И их только звёзды во тьме озарили.

Первый был всех поменьше, в рубашке до пят,
В большой белой шапке старинной, матросской.
Он был на бастионах среди тех ребят,
Кто закрыл белый город доблестью флотской.

На втором бескозырка, тельняшка, бушлат,
В ночи морпехоты эмблема светилась.
Защищал город свой без доспехов и лат,
Пулей жизнь его хрупкая остановилась.

Третий светлый и тонкий, как солнечный луч,
Алый галстук, открытый доверчивый взгляд.



АНДРЕЙ ЗЕМСКОВ

САМОЛЕТИК

Владиславу Крапивину

О судьбе земной сам себе — молчок.
Листик в клетку, пара фраз — и точка.
Самолетик мой, как большой сверчок,
Прыгнул в небо и растаял тотчас.
Оглянулся я, — а за мною след,
Как коса песчаная, белеет.
Заглянул в себя — там темно от бед.
Но теперь уж точно посветлеет!
Ведь не зря у старого ангара
Сквозь бетон пробился подорожник:
Не врала дворовая гитара,
Что возможно то, что невозможно.
Это значит, если разобраться,
Всё, что прожил я — уже неважно.
Я — мальчишка, мне всегда двенадцать.
Так лети, мой самолет бумажный!
Только там внизу каждый день — война, —
Этот мир ей так легко разрушить.
Как неправый суд, за стеной стена,
И горят фонарики, как души.
Разошлись пути тех, кому домой,
Тех, кого свобода больше любит.
Только ты лети, самолетик мой —
Белый голубь с искоркою в клюве.
Пусть от гари черного пожара
Ветерок твои спасает крылья.
Приземлись у старого ангара
На траву, уставшую от пыли.
Там, вдали, за ржавым буреломом,
За рекой, за солнечною гранью

Любителям самодельной — или бардовской — песни, имеющим доступ в Интернет, скорее всего, знакомы и адрес www.bards.ru, и песни Андрея Земскова и Игоря Глотова. Мы выбрали лишь некоторые из них, явно навеянные книгами Владислава Крапивина.

Трубачи на башнях так знакомо
И светло «зарю» тебе играют!
апрель 1998

МАЛЬЧИК СО ШПАГОЙ

Владиславу Крапивину

Легион не сбивается с шага,
Строем двигаясь в небытíе.
Повзрослевший мальчишка со шпагой,
Ненадежно оружие твоё.
Сопредельности солнечных граней
Разошлись на крутом вираже.
Подорожник, приложенный к ране,
Не спасает от смерти уже.
Брось клинок свой, откуда не поздно, —
Никому не страшна его сталь.
Ты же видел, как в городе Грозном
Струи пламени рвали асфальт,
Как в Афгане внезапной атакой
Вдруг откликнулся мирный кишлак.
Что ты скажешь, мальчишка со шпагой,
Генералам без чести и шпаг?

сентябрь 1997

Он дрожит на ветру от озноба:
«Да, оружие такое старо.
Но, когда в мире властвует злоба,
Кто-то должен стоять за Добро.
Пусть перо расплевалося с бумагой,
А театр перестроился в тир,
Кто-то — с кистью, с гитарой, со шпагой —
Всё же должен спасать этот мир!»



Знаменский собор



Но это будет потом, через много лет. А пока я жду свою нонопатую подружку, и уже в самом этом ожидании — радость...

Однако Поэт, которому я подарил башмаки, возвращает меня в набачок. Он считает долгом поддерживать застольную беседу. И в этой беседе двух творческих людей невозможно обойти главное:

— А как работаете, старичок? Сочиняешь чего-нибудь? Или современная действительность не располагает? Многих она повышибала из колеи...

— Сочиняю помаленьку...

— Ну и... что-то печатают?

— Помаленьку, — опять говорю я знаменитому Поэту (его-то печатают постоянно и всюду). — Недавно украинский спонсор подбросил денжат, помог издать томик с тремя новыми повестями. А еще одно московское издательство взялось выпускать собрание в тридцати томах...

— Да ну?! Ты, старик, не загибаешь?

— Вообще-то малость загибаю. По правде речь идет о двадцати девяти книжках. Но, глядишь, наскребется и тридцатая... Но это, если не разругаюсь с издателями. На данный момент они выдали только дюжину книг, а отношения с этой конторкой у меня весьма не простые...

— Ну, все равно... Ты, брат, трудяга, — говорит он, проглотив шашлык. — Я сколько ни пишу, а у меня и трети твоего не наберется.

— Так у тебя же поэзия. Там другие параметры...

— Я и прозой баловался...

— Но не много. А я этот воз тяну пятый десяток лет...

Он наклоняется поближе, смотрит по-хорошему, сочувственно.

— Слушай, тяжкое, наверно, это дело, а? Столько лет тащить эту телегу... «Целый воз всевозможных проз»...

— Тяжкое, — признаюсь я. — Напишешь пяток страниц и встаешь из за стола с таким скрипом, будто целый день мешки таскал на пароходной пристани...

Правда, здесь я немного отхожу от истины. Если говорить честно, в последние годы я писал не за столом, а на диване. Кладешь на колени какой-нибудь альбом или фанерку, на них — тетрадь. И — поехал. Спина устает не так сильно, как на стуле. Но, впрочем, все равно нелегко... А с недавнего времени причился к компьютеру: отвалишься в кресле,

клавиатуру — на колени и стучишь по кнопкам. Так вот наступал уже три повести. Раньше никогда не думал, что смогу такое... Но техника техникой, а от ощущения «мешков» в конце дня все равно никуда не деться...

— Ну а сейчас... над какой темой трудишься? — деликатно интересуется Поэт.

Мне говорить про это не хочется, но и молчать неловко.

— Да так... Кое-что вспоминаю о прежних годах. О парусах... Ты ведь слышал, наверно, что я три с лишним десятка лет командовал ребячьей флотилией?

— Ну как же, как же! Эта твоя знаменитая «Бригантина»...

Я морщусь. Терпеть не могу, когда мою «Наравеллу» снисходительно именуют «Бригантиной».

Впрочем, шут с ним. И о моих парусах слышал он лишь мельком, и книжек моих наверняка не читал. Да ведь и я

его творения знаю лишь слегка. Мы люди «разных странств». Но все равно он добрый дядька. Лишь бы не начал лезть в душу и спрашивать что-нибудь этакое, об «источниках вдохновения». Ведь не буду же я ему рассказывать о белых башнях Города, в котором, несмотря на все невзгоды, был счастлив. Того Города, где первый раз влюбился, где сочинил свои первые стихи и первый «настоящий» рассказ...

И вообще все это — сон. И кабачок с красным вином, и Поэт, охотно принявший в подарок мои башмаки, и старинный граммофон на буфетной стойке (откуда он тут взялся?). Мне пора. И торопливо сказав Поэту «пока», я снова превращаюсь в босоногого Славку, который ждет у мокрой калитки девочку Галку.

Я жду ее, а где-то в подсознании шевелится довольная мысль, что этот сон — готовый сюжет для книжки «Автограф». Остается только записать. Да еще «приклеить» к концу библиографию. •

Троицкий монастырь



ли на ней другие континенты, ни даже о наличии других городов (лишь вскользь упоминается о поселке, где живет тетя одного из героев). Такое впечатление, что вся Планета — это Река и два ее берега с раскиданными по ним редкими поселениями. Все сведения, которые постепенно появляются у Яра, исходят только от манекенов, с которыми, впрочем, он не ищет встречи ни с исследовательскими, ни с иными целями. И только столкнувшись с врагом лицом к лицу, он задает свои вопросы. Несколько нереально выглядит и то, как представители манекенов ведут с Яром философские беседы, вместо того, чтобы на месте прикончить опасного и слишком много знающего противника. Уж не важно, сколько там в каждом из них заложено единиц интеллекта, но должна же быть заложена элементарная логика и механизм самосохранения, сохранения не столько лично себя, сколько всей их цивилизации в целом. Не верится, чтобы такая высокоразвитая цивилизация посылала на важное и опасное задание таких «дебилов», как Тот. Впрочем, и Магистр отличается от Тота разве что большей интеллигентностью и изысканностью манер. А военной хитрости и интеллекта больше ненамного. Те же самые просчеты и элементарные «зевки».

Впрочем, в последней части, мы встречаем постаревшего Глеба Вяткина, который, первый из всех героев, ведет себя логично, позиция его не выжидательная, а действительная. Мы наконец-то узнаем о том, что есть и другие страны, есть подобие сопротивления, есть на этой Планете мыслящие люди. Ну, слава Богу! Наконец-то! Несмотря на то, что по своей специальности Глеб не скандермен-исследователь, а журналист, исследовательские дела получаются у него куда быстрее и успешнее,

чем у Яра. Из рассказа Глеба можно заключить, что свою деятельность он развил почти сразу, как попал на Планету.

Несмотря на все сказанное, мне не верится, чтобы Крапивин допустил столько нелепостей и просчетов ненамеренно. Но какая же за этим стоит идея? Первое, что приходит в голову — Яр был слишком потрясен всеми несчастьями, свалившимися на детей, что потерял в себе все силы и волю что-то узнать или бороться. Но когда оказалось, что Игнатик жив, а потом нашлись и другие, казалось бы, должны были появиться силы и желание спасти детей — самый мощный мотив для того, чтобы начать добывать знания. Но и тут Яр остается в роли созерцателя.

А вот размышления Ольги о несоответствии достаточно высокого уровня развития общества и уровне знания людей об их мире, совершенно неожиданно пересеклись у меня с другим произведением В. Крапивина, совсем новой сказочной повестью «Мальчик девочку искал». Общество, описанное там, конечно, попроще. Очевидно, что по своему техническому развитию они стоят где-то на уровне нашего 19-го века. Но как-то не вяжутся технические, архитектурные и прочие достижения с представлениями о мире, когда люди считают, что земля стоит на трех китах, и не подозревают о наличии других континентов кроме их собственного. И уж совсем нелепичей выглядит то, что жители гораздо более развитого континента, сумевшие спроектировать и построить гравитоплан (!), имеют такие же средневековые представления об астрономии и географии.

Единственная надежда на то, что во второй части повести все эти противоречия как-то разрешатся. Ведь чи-

тала я пока что только первую часть, опубликованную на официальном сайте писателя. Но по опыту чтения предыдущих книг могу предположить, что все эти противоречия допущены писателем сознательно. Зачем — не знаю, но примеров тому у Крапивина масса. Возможно, чтобы специально запутать читателя, чтобы совсем непонятно было, в какое время происходит действие. Хотя достаточно и того, что описывается вымышленная страна, вымышленный мир — все вопросы о привязках к земным реалиям должны сниматься сами собой. •



действием богов. Но ведь объяснялось! Пусть ошибочно, но объяснялось. А тут — общество находится на более высокой стадии развития, чем первобытное, но при этом в нем почему-то отсутствуют какие бы то ни было научные, философские, религиозные теории, объясняющие картину окружающего мира. Это нонсенс, так не бывает! В любом цивилизованном обществе существуют какие-либо политические, экономические, технологические и другие доктрины. Пытающиеся объяснить явления природы, ход исторического процесса и т.п. (они иногда могут быть ошибочными, ложными, но они есть), и такие доктрины должны, по идее, существовать и на Планете, и Яр должен был целенаправленно искать о них информацию. Существующие в обществе теории публикуются в книгах, журналах, на худой конец, при наличии цензурных запретов, распространяются полностью путем рукописного самиздата. И не может быть, чтобы Яр искал, но не нашел никакой соответствующей литературы!

По повести такое ощущение, что Яр и не пытался рыться в книгах, газетах. А ведь у того же Читы дома, насколько я поняла, неплохая библиотека. Да и, кстати, Чита в присутствии Яра читает «Зверобой» Купера — книгу, которая есть и на Земле, которая знакома Яру. Почему Яр не побеседовал с Читой об этой книге и не выяснил, как Чита воспринимает содержание: как какую-то фантастику, сказку или как роман, основанный на реальных исторических событиях? И что Чита знает об авторе книги Фениморе Купере? Где и когда в представлениях Читы жил этот писатель? Где происходит действие романа? Америка, по мнению Читы, — это где: на его же Планете, на другой планете, или это вообще какое-то вымышленное, не существующее в реальности место типа острова Утопия у Томаса Мора, или это существовавший, но давно исчезнувший континент, типа Атлантиды?

Из ответов Читы на эти вопросы можно было бы сделать некоторые выводы и выстроить какие-то предположения насчет того, являются ли Земля и Планета разными планетами, или это одна планета, расколотая на части. Но Яр почему-то не догадывается расспросить об этом Читу.

Если кому-то из читателей «Голоса» мои рассуждения покажутся

интересными или вызовут какие-то вопросы, возражения, я готова продолжать разговор. А пока добавлю лишь одно: мне больше по душе реалистические произведения, чем в жанре фантазии, и я люблю умных героев, люблю логику во всем, а в «Голубятне...», которая в целом мне очень понравилась (я читала ее заповоем), я все же нахожу некоторые отсутствие логики, и это чуть-чуть портит впечатление от произведения.

Интересно, согласятся ли другие «лоцманы» с моими рассуждениями?

Мария Троицкая г. Дубна Московской обл.

Поскольку Ольга написала именно мне, то попробую ответить на ее письмо публично, тем более, что многие мысли оказались мне созвучны. В процессе чтения «Голубятни...» и последующих размышлений над ней меня посещали сходные мысли. Правда, мне почему-то не пришло в голову обвинять Яра в недостаточном интересе к истории и жизни Планеты, или в его пассивности, некомпетентности. Но постоянно ждала, когда же начнется описание собственно устройство общества на этой Планете, описание ее географии и истории. Практически во всех произведениях Крапивина, где описываются вымышленные миры, мы почти сразу же находим подобную информацию об этих мирах. Иногда информация обширна, иногда умещается в нескольких строках, но всегда она отвечает на важнейшие вопросы читателя и дает представление об описанном мире.

В «Голубятне...» же мы ничего не знаем ни о том, есть



OFF-LINE- ИНТЕРВЬЮ С ВЛАДИСЛАВОМ ПЕТРОВИЧЕМ КРАПИВИНЫМ

Продолжаем публикацию ответов В.П.Крапивина на вопросы, поступающие к нему через Интернет. Подробности можно найти на сайте <http://www.rusf.ru/vk/interv/index.html>

Нет, девочки тоже могут стать ветерками. Вот только пробовать не советую — до сих пор ни у кого это не получалось.

А как вы относитесь к употреблению спиртного? Не в том смысле — пьёте вы вино или нет, а в том — зло это или нет в принципе?

Вино это добро, но при условии, что есть голова на плечах.

Мое знакомство с вашими книгами началось с чтения «Журавленка» в 11-летнем возрасте — эта книга оставалась любимой книгой все детство, и публикация каждого вашего нового произведения в Пионере была для меня большим праздником. Этот роман посвящен «Моей жене Ирине». Имеется ли какая-либо история за этим посвящением, или имя главной героини — единственное что связывает ее с вашей женой?

Никакой особой истории здесь не имеется... За посвящением стоит только уважение к своей супруге и благодарность за многое, что она для меня сделала. Она педагог по профессии и во многие педагогические проблемы меня посвящала, рассказывала о них; были у нас общие точки соприкосновения... И то, что девочку — героиню повести зовут Иринка, Ирешка, Риска — тоже имеет особую связь... Конечно же, имя главной героини — это в честь жены.

Мне 25 лет, из них последние 9 я прожил в США. Год назад мне попались несколько томов из вашего 9-томника, и я начал читать те произведения, что не читал раньше. От чтения «Оруженосца Кашки» и «Болтика» осталось трагичное ощущение собственной испорченности и понимания того, что я никогда в жизни больше не смогу воспринимать вещи, написанные с чистым замыслом для чистых душ. «Журавленка», однако, я опять перечитал за пару часов. Можете ли вы порекомендовать что либо еще из Ваших книг?

Наверное, лучше всего познакомиться с томами собрания сочинений, которое издает сейчас издательство «Центрполиграф». Они затеяли, насколько это в их и в моих силах, чуть ли не полное (по крайней мере, прозу) собрание сочинений. Там практически все прозаические вещи будут напечатаны — если, конечно, издание будет завершено. И там уже, как говорится, на вкус

Ваше творчество, как любое серьезное явление, породило массу легенд и апокрифов. Не разьясните ли появление двух из них: якобы незавершенных произведений «Орт-Гент» и «Тень Хрустального Меча» (второе название условное)?

Я впервые слышу о таких произведениях. Единственное мое незавершенное произведение написано в 1957 году и называется «Страна Синей чайки». Все остальные проекты либо были благополучно завершены, либо уничтожены.

В трилогии «Голубятня на жёлтой поляне» есть несколько моментов, когда описывается способ превращения мальчишки в ветерка. Тут возник такой вопрос — могут ли девочки превращаться в ветерков, если выполнят все условия? или это, так сказать, «привилегия» только и исключительно мальчишек?

читателя — что больше понравится... А рекомендовать что-либо я затрудняюсь, для меня все мои вещи одинаковы — как для многодетного папаша все дети...

Что Вас толкнуло на использование фантастики, разве реальная жизнь дает мало сюжетов для творчества?

Иногда мне при осуществлении своих авторских идей и моим героям в их каких-то поступках, действиях тесновато в трехмерном земном пространстве, и реализовать себя эти герои могут только в более широких измерениях. И именно для этого я использую фантастику — тогда, когда моим героям становится тесно, а отнюдь не из любви к каким-то фантастическим коллизиям, космическим чудесам (и чудесам вообще). Просто хочется расширить поле действия своих героев.

Знаете ли вы, что произошло с вашими героями в будущем? Чем сейчас занимаются Юра Журавин, Сережа Каховский, Джонни Воробьев? Чем они должны были заниматься, когда вы их писали, то есть имели ли вы представление о взрослой жизни описываемых героев?

Я могу конкретно сказать о Сереже Каховском — он стал археологом и работал в Херсонесе. Может быть, работает и сейчас... Это описано в романе «Бронзовый мальчик». Что же касается Юры Журавина, Джонни Воробьева — это я оставляю исключительно на читателей, полагаясь на их фантазию, на их умение дополнительно строить сюжеты. Пусть читатели решают сами. По поводу второй части вопроса. Мне казалось, что Джонни Воробьев в той или иной форме посвятит себя педагогике, работе со своими младшими друзьями, потому что он уже четверто-пятиклассником умел и любил опекать младших ребят, а самое главное — чувствовал ответственность за них. Что касается Юры Журавина — то, честно говоря, не знаю и фантазировать не хочу. Открытый финал — он и есть открытый финал...

Скажите, Вас никогда не волновала проблема сектантства, ведь страдают от этой заразы не только взрослые, но и дети, отказывающиеся от семьи, от родителей под влиянием всяких «учителей» и «пророков». Обращались ли Вы в своем творчестве к этой теме? (К сожалению, проживая в Прибалтике, не имею возможности в должной мере знакомиться с книжными новинками России и потому не знаю Ваших последних книг).

Волновала. Так же, как волнует проблема наркотиков, детской безнадзорности, проблема общего неблагополучия детей в наше время. Но есть одна сложность — на все не хватает времени. Я не могу писать о том, о другом, о третьем, о десятом, обо всем том, что меня волнует... По мере возможности я как-то стараюсь обращаться к этим вопросам. Но конкретно к проблеме сектантства обращаться пока не приходилось. Кроме того, я не всегда и не во всем разделяю исторические крики о вреде сектантства. Почему-то сейчас в одну кучу сваливают очень многих — и обыкновенных баптистов, и адвентистов, и какие-то совершенно мерзопакостные чудовищные секты. В сектантстве есть очень разные течения и верования, различные мировосприятия, и каждый раз надо конкретно рассматривать, о чем идет речь.

Если в вопросе имелись в виду тоталитарные секты — да, это настораживает, это беспокоит. Потому что это действительно разрушает семьи, отрывает детей и от родителей и от общества в



В оформлении интервью использованы рисунки Владимира Саватеева (Улан-Удэ)

ТЕМА ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

Ольга Пряжникова
пос. Красково Московской обл.

Мы снова предлагаем вам два «встречных» письма и надеемся, что разговор заинтересует читателей. Тем более что подумать, действительно, есть о чем.

...Были ли какие-то отклики на мое мнение о «Голубятне...», которое вы опубликовали?

Я писала о том, что главный герой Яр, с моей точки зрения, является не вполне сообразительным и, попав на незнакомую планету, действует недостаточно

профессионально. В чем это заключается?

Прожив на планете больше месяца и столкнувшись с массой загадочного и непонятного, Яр за это, в общем-то, немалое время ничего не сумел понять и разгадать, да и, с моей точки зрения, не очень-то и пытался. Цитирую: «Он спрашивал иногда, но ответы были неясны или насмешливы. А спрашивать настойчиво и часто Яр не решался», «Черт, — беспомощно подумал Яр. — Хотя бы одного человека найти, который скажет...» Но ведь информацию можно черпать не только из разговоров с людьми! Можно же воспользоваться другими источниками! Да, одни люди не хотели или боялись что-либо объяснять Яру, другие сами толком ничего не знали. Но ведь есть же на этой Планете книги, газеты, кино! К сожалению, в повести не показано, что скадермен Ярослав Родин пытался всем этим воспользоваться в качестве источников информации о том обществе, в которое он попал. Самое первое, с чего можно было бы начать, тем более учитывая, что в первую очередь Яр на Планете познакомился и общался именно с детьми, — это поинтересоваться, чему детей учат в школе: какие предметы преподают, по каким учебникам ведется обучение, и что пишут в этих учебниках. Ведь в школьных учебниках обязательно должна быть отражена (пусть даже на каком-то упрощенном уровне) сложившаяся в данном обществе картина мира: устоявшиеся взгляды на историю, географию данной Планеты и других планет. Конечно, эта картина мира, отраженная в учебниках, может быть и необъективной, ошибочной, и чрезмерно идеологизированной, но в любом случае она бы дала какую-то информацию к размышлению и возможность делать какие-то выводы. Кто-то может мне возразить: мол, попытка Яра познакомиться со школьными программами могла бы ничего не дать, потому что, например, история, как выясняется по ходу повести, в школах Планеты не преподается. Может, и география с

астрономией тоже не преподаются. Но, отвечу я, отрицательный результат — тоже результат. Из него тоже можно сделать некоторые выводы.

Кстати, по поводу местных школ возникает некоторое недоумение по ходу чтения повести: школы на Планете есть. Но чему в них учат — непонятно. Такое ощущение, что только самому элементарному — чтению, письму, простейшей арифметике. А науки не преподаются. Иначе как объяснить, что на Планете никто толком ничего не знает и не может объяснить ни про Нашествие, ни про Восстание в Морском Лицее, ни про многие другие вещи?! Вот у нас, например, любой человек на основе своих школьных знаний может объяснить, почему бывает гроза, что из себя представляет туман, ну и т.д., и т.п. А жители этой Планеты — словно слепые котятка, живут, имея весьма скудные представления об окружающем их мире и о том, что в нем происходит. Хотя живут далеко не на первобытном уровне. А ведь даже у первобытных людей было свое объяснение окружающим природным явлениям. Пусть оно было мифологизированное — все объяснялось



Рис. Е.Стерлиговой к трилогии В.Крапивина «Голубятня на желтой планете»

бабушек. Это было зрелище! Пижама моим артистам были велики, стоять долго ребята не могли из-за временного головокружения, садилась на кровать в рядок и пели, читали. Занимались пантомимой. А напротив сидели слепые, полуслепые, глухие и полуглухие старушки. Но все были довольнешеньки. Так что спасибо Володе за его и мое воспоминания.»

Нельзя не упомянуть и «дискуссию Зориных о Резанове». Ее отметил и **Владислав Петрович Крапивин**, поблагодарив Александра за поддержку. А **Николай Рубан** как бы ответил на замечание Жени Володарского: «мне здорово понравилась статья Александра Зорина о Резанове. В первую очередь серьезностью подхода и объективностью. Как я убедился, воссоздать картину прошлого — вообще дело порой невозможное. Пример — разгон Тбилисской демонстрации. Даже сейчас, когда есть и видеонамеры, и другие средства активной записи информации, в сознании людей накрепко утвердилось: солдаты порубили демонстрантов лопатами. А выводы двух ООНовских комиссий, что всех погибших задавили в давке, словно и не существуют. Что уж тогда говорить о том времени? Так что большое спасибо Александру за терпеливую и кропотливую работу. И еще у него очень хороший стиль — хочется перечитывать.». Включился в это разговор и Александр Соколов: «В полемике Зориных мне, безусловно, ближе точка зрения Александра. Помнится, Курганов в «Островах...» говорил, что не хочет НИКОГО обвинять, но логика событий в повести и вокруг нее вынуждают нас, вслед за крапивинскими персонажами, сочувствовать Крузенштерну и винить во всем случившемся Резанова. А Зорин, стараясь быть объективным, упоминает об определенных заслугах и достоинствах последнего, но тут же бросает еще большую тень на «господина посланника», цитируя архивные документы. В свою очередь, К. Бадигин, основываясь на других архивных документах, склонен был, как известно, винить во всех грехах Крузенштерна (не отрицая его заслуг) и облагораживать образ Резанова. Так кто же в этой истории более прав? Быть до конца беспристрастным тут сложно. Романтический ореол вокруг имени Крузенштерна, на фоне которого фигура Резанова — давно позабытого — выглядит

довольно блекло, заранее не позволяет усомниться в его непогрешимости. Кому симпатизирует Крапивин — думаю, очевидно. Как все было на самом деле, какова степень вины каждой из «двух личностей со сложными характерами» во взаимной вражде — сказать во всей определенности нельзя. А в случае с Головачевым — тут, похоже, все выглядели препаскудно. Но как мучительно не хочется тому же Крапивину возложить хоть малую долю вины в этом на Крузенштерна и экипаж «Надежды»!... Кстати, насколько мы вправе говорить о причинах не опубликования, да и о самом существовании «повести Курганова» (вернее, того текста, что вошел в «Острова...»), в 1948? Мне почему-то казалось, что повесть написана чуть позднее...»

«Я читаю «Голос» с большим удовольствием. Это помогает мне хотя бы оставаться в курсе событий, если не участвовать в жизни лощманов активно. К сожалению, я, видимо, не смогу быть таким активным корреспондентом, каким была... Но получать «голос» хотела бы. Вы делаете большое и нужное дело. Спасибо огромное за эту газету, за объединение лощманов. Желая, чтобы все ваши задумки и мечты осуществились. Мысленно я с вами!... Я, видимо, переросла эту ступень и перехожу на следующую стадию. Для меня клуб уже выполнил свою главную задачу — я познакомилась с лощманами Перми и попала на тусовку. Это перевернуло всю мою жизнь и изменило ее к лучшему. На данный момент тусовка для меня тоже пройденный этап... Участвовать активно я, скорее всего, не буду, но читать «Голос» и окунаться в знакомую атмосферу клуба мне очень нравится. Жду следующих выпусков...» Строками Натальи Крыласовой мы хотели закончить обзор писем. Но...

11 сентября что-то изменилось в мире. Мы не хотим искать правых и виноватых. Не хотим говорить о политике, религии и т.д. Просто был концерт-телемарафон в Нью-Йорке, известнейшие антеры и музыканты сдержанно рассказывали — не о политиках, а о простых горожанах, спасавших других ценой собственной жизни. И кто-то произнес — «**Мы есть друг у друга, а это немало**». Пожалуй, так оно и есть. Давайте же попробуем не теряться в этом мире! •

целом. Это одна из наших бед. Но ведь таких бед у нас, к сожалению, немало... Как все это охватить, как все это отразить, как все это рассказать?... Трудно.

К **ак Вы оцениваете распространение национального духа в российской молодежной среде? Сталкивались ли Вы с национализмом или, может быть, даже нацизмом среди молодежи во время работы в отряде?**

Я не сталкивался с распространением национального духа в российской молодежной среде. Скорее наоборот — я наблюдал распространение какого-то интернационального духа, космополитического. Если встречаются какие-то так называемые «патриотические» образования, типа национал-патриотических — то я отношусь к ним с большим недоверием и с достаточным отвращением. Но мне кажется, что все-таки их сейчас не очень много именно среди молодежи. Среди людей более зрелого возраста — от 20 до 30 лет, как мне кажется, это находит распространение гораздо больше.

Во время работы в отряде я с упомянутыми проблемами, слава Богу, не сталкивался, никогда в жизни. Там вообще было никакого деления на нации, на религии...

У **меня вопрос, не относящийся к Вашему творчеству, но очень бы хотела знать Ваше мнение. Как Вы относитесь к тем ребятам, которые возвращаются из «горячих точек»? К тем, кто много что видел и убивал сам? Или для Вас это не существенно?**

По разному отношусь. Потому что ребята, которые возвращаются из горячих точек — они очень разные. Есть ребята, которых я знал в детстве, которые были в отряде «Каравелла», побывали в Афганистане, а кто-то и позже потом — в Средней Азии, в Закавказье, в Чечне... Они, как правило, сумели сохранить свой «внутренний стержень». Может быть, сказалось воспитание, хотя чувствуется, что война сильно ударила их по нервам.

Наблюдал я со стороны и тех, на кого вся эта кровавая каша оказала очень болезненное, очень сильное влияние. Вернулись люди практически больные, с надорванной психикой, ну как я могу к ним относиться? С сочувствием, с жалостью, с пониманием... Хотя я знаю такие факты, когда молодые люди, вернувшись оттуда, пытались как-то оправдать пребыванием в «горячих точках» свое неадекватное поведение в обществе. Свою истеричность, нервозность, склонность к криминалу. Я могу понять, что война наложила на них свой отпечаток, но оправдывать таким образом свое поведение — несколько недостойно мужчины.

С **кажите, если б где-то мчался по дороге НАСТОЯЩИЙ Ромка Светляков, и Вы могли бы его спасти — но только ценой собственной жизни, и даже так, что он никогда бы не узнал об этом — Вы бы как поступили?**

Конечно, стал бы. В такие минуты не размышляют, а действуют. Так что насколько я себя знаю, то в такой момент — стал бы.

Д **авно хочу спросить Вас, существует ли реальный прототип Вашего непервостепенного, но весьма колоритного героя — итальянского профессора Карло д'Эспозито? Он выписан очень рельефно, с любовью, и явно со знанием особенностей природы итальянцев. Приходилось ли Вам бывать в Италии или дружить с представителями этого симпатичного народа?**



В Италии я никогда не был, и образ профессора д'Эспозито совершенно собирательный. Если автор вопроса считает, что он мне удался, то что ж... Спасибо большое, значит, у меня есть кое-какие литературные способности...

У Вас не было когда-нибудь идеи написать книгу для себя? Сделать ее недоступной для всех, жить ей, чтобы дураки разных калибров не совались туда (в эту книгу — которая ваш мир)? На компьютере всегда можно ограничить доступ к хранимым материалам.

У меня есть такая книга — мой литературный дневник. Он довольно большой, и я его пока не собираюсь публиковать... по крайней мере, при жизни. Время от времени я оттуда «выдираю» отдельные странички и делаю из них сюжеты для своих воспоминаний.

К акие места в России и вообще в мире вы больше всего любите, где хотели бы побывать если раньше не были. И почему часто сюжет или стиль произведения так тесно связаны с местом действия.

1. В России больше всего я люблю Тюмень, где я родился и куда с удовольствием приезжаю каждый раз. Это город, где я черпал и продолжаю черпать сюжеты для своих вещей. А на Украине я больше всего люблю Севастополь. Жаль, что он сейчас на Украине, что для меня все же не очень понятно... Трудно вынуть из мысли, что это за граница. Раньше я бы сказал, что в своей стране я люблю два места — Тюмень и Севастополь. Город, где я сейчас живу — Екатеринбург — я тоже люблю, но люблю его привычно-житейски, потому что здесь много всяких и проблем, и неприятностей, и всего прочего... И любовь поэтому время от времени разбавляется всяческой житейской прозой.

2. Потому что место действия часто определяет то или иное развитие сюжета. Если вы описываете пустыню, то вы не будете описывать там парусные корабли и шторм в океане, и наоборот: вы не будете посреди океана описывать караван верблюдов. Хотя у меня самого в «Оранжевом портрете с крапинками» (а также у ряда других писателей) описаны парусные корабли в пустыне — но это скорее как раз то исключение, которое подтверждает правило.

Я с огромным удовольствием читаю Ваши книги, они помогают мне — создавая эмоциональный заряд, с которым можно жить, работать и быть. Но вопрос, который я поднимал в своей заметке «Гуси-Гуси- социальный аспект», к моему искреннему сожалению, остается открытым. Конечно, заметка не актуальна по отношению ко многим Вашим вещам. Но — когда Вы усложните социальную модель Ваших миров до того, что она станет приближенной к реалиям? И — будете ли усложнять?

Я стараюсь это делать. Например — в романе «Кораблики», в одной из последних вещей — «Лужайки, где пляшут скворечники». Другое дело, что, может быть, это мне не всегда и не совсем удастся. Но об этом уже судить читателям, я же стараюсь делать то, что в моих силах...

О чем Вы сожалеете в прожитой жизни? Идея ноосферы В.И.Вернадского — это не утопия?

1. О чем я сожалею в прожитой жизни — это пусть останется у меня. Это мои субъективные сожаления, и я не хочу делиться ими с другими. Все равно ведь это не поможет ничего исправить...

2. Мне кажется, что это не утопия а реальность.



4. А.Федоров, «Письма Другу». ЗДОРОВО! Почему-то не хочется комментировать. Выражаясь языком автока, этот материал — «нота». А может, и целый аккорд.

5. Э.Зольцо. Интересная фамилия;-) (шутка). А что скрывается за Э.?Эра, Эдуард?;-) (еще шутка). А кроме шуток — сразу даже не знаю, что сказать. Поощуживую: не хуже, чем ВПК. Спасибо ребятам за экскурсию! Во!!!!

6. Д.Ватолина, «Подводный Крым». По-доброму завидую. В «окультуренной» пещере как-то был — не понравилось. Думаю, и в «дикий» — навряд ли. Не мое.



Г олос-13... Это был первый номер XXI века. Судя по откликам, он все же проиграл 12-му, хотя теплых слов тоже прозвучало немало. «Прочитала от корки до корки. Благодаря Антону Федорову познакомилась с замечательными стихами Дмитрия Быкова. Просто здорово, что в «Голосе» есть такая рубрика. «Фантинки думки» согревают. Хочется забыть про все свои проблемы и заботы и стать ребенком. Задела за живое «Операция» Савватеева, заинтересовали заметки Игоря Глотова. Интересно было прочитать и о командоре Резанове, хотя спорить не буду, так как мало о нем знаю» — пишет Елена Журова, и это тем более приятно, что Лена редка «балует» нас письмами. А Елена Попова отмечает «многие из стихотворений Дмитрия Быкова и рассказ о нем, зарисовки на тему «Бабизм Ягизм в наши дни», уводящие в область психологии, записки о Командоре Резанове». Признаемся сразу, что Антона Федорова, подготовившего материал о Дмитрии Быкове, больше всего порадовало желание читателей продолжить разговор о поэтах с «негромкими именами», и он с нетерпением ждет ваших писем.

«Это такой заряд любви! К людям, к природе и самой жизни! Просто голова закружилась. Вообще-то мне нравится фабула, интрига. Но тут ее нет, а я в восхищении. Не понравился только спор вокруг Резанова (ну кто ищет истину через 100 лет) и упоминания о «распитии»... Больше всего мне понравилась самая первая вещь. Владимира Савватеева, про больницу. Режущие сердце воспоминания о больных мальчиках. Славка, не любящий узбеков, но все же совершенно обаятельный. И замечательная история с соевым помидором. Мне бы такое ни за что в голову не

А вот поплавать с аквалангом, мне кажется, было бы интересно. Это так, попутное желание, не больше. Однако читать об этом — интересно.

7. Зорин, «Раскопки...» Размышления по поводу. Пожалуй, мне полезно было их почитать. Война — как потоп... СтОит запомнить и, возможно, использовать в будущем в своем сочинительстве.

8. Б.Механцев. Вспоминается крапивинское «слились две узких тропинки, и стало совсем по-другому...» Хочется просто порадоваться встрече друзей. Что я и делаю.»

пришло... И еще понравились «Мои Безлюдное пространство» Людмилы Рыжиковой — это уже фрагмент из письма Евгения Володарского. Кстати, Женя — один из немногих читателей, внимательно следящих за художественным оформлением «Голоса», и главный ценитель таланта художника — Володи Савватеева.

Женя Володарский очень точно выделил два «ключевых» материала «Голоса-13». «Операцию» упоминали почти все, но самое интересное (и важное — прежде всего, для Володи) письмо пришло от Людмилы Рыжиковой: «Искренне заинтересовала «Операция» Володи Савватеева. Но тут наложились мои собственные воспоминания. Для «постороннего человека» его повествование обросло... цветом, звуком и пространством. Больницы не так уж отличаются друг от друга, так что наполнить Володины воспоминания красками несложно. Конечно, мои представления неточны, это уже как бы мои воспоминания на основе чужого рассказа. Но были и по настоящему мои воспоминания, которые накладывались на Володин рассказ, образуя двойную картину. Это Челябинск, глазное отделение больницы тракторного завода. Меня там оперировали, а вместе со мной — нескольких ребятшек от 7 до 11 лет. Я лежала в палате вместе с семилетним Сережкой, и, желая развеять скуку и тьму (на глазах повязка на неделю!), а также успокоить ноющего мальчишку, принялась рассказывать ему сказки. Сначала книжные, а потом свои (ни одной не помню!). Об этом быстро узнали другие мамы и подкинули мне всех своих временно ослепших чад. А чада были ненасытны, и я трепалась до хрипоты или до полного истощения фантазии. Потом мы прозрели, но детишки ко мне прилепились. И тогда мы организовали концерт для

Я ВАМ ПИШУ...

ОТ РЕДАКЦИИ. Период молчания редакции оказался слишком длинным. Но, к счастью, молчали только мы, а не читатели, которые продолжали писать письма, анализировали 12-й и 13-й номера газеты, теребили нас вопросами о судьбе издания... И поругивали за «пессимизм»: «Что же это вы, а? Это теперь, когда только-только начало все налаживаться? Когда последние номера идут на таком уровне, что и официальным изданиям позавидовать? Когда столько людей отправляет в редакцию письма? Или их не так много? Или я ошибаюсь?... Ничто не соединяет людей так, как живые печатные страницы. «Голос» уже стал частью моей жизни, если хочешь... Хорошо, устали, я это понимаю, ох как я это понимаю. Ну выпускайте номер раз в три месяца, раз в полгода... Но не останавливайте ДЕЛО, в которое вложили душу». Может, именно благодаря таким строкам, написанных Леной Поповой, «Голос» снова с нами и с вами?

не). Писать о них и писать. Как знать, может, от этого они начнут себя осознавать (см. «Лето кончилось не скоро») и как-то влиять на жизнь в городах, и не только». Итог же традиционно обстоятельно подвел **Василий Ножевников**:

1. Е.Попова, «Отрывки из дорожного дневника». Я не путешественник, заядлый домосед, но если бы был путешественником, то очень хотел бы иметь нечто подобное от каждого похода, каждой поездки. Переводить, если можно так сказать, полученные всеми пятью чувствами ощущения «от» — в слово, в некий эквивалент памяти, который не вырубить топором. Что потом, по мере желанья, помогло бы не раз и не два вернуться назад, подстегивая память строчками, пережить, прочувствовать снова и однажды пережитое и прочувствованное.

2. М.Веретенников. «О Грушинском фестивале». Говорить (и слушать) о столь масштабном явлении интересно с теми, кто тоже там был, кто видел это, кому можно не просто сообщить о чем-то, а с кем можно поделиться или поспорить, повосторгаться, поразмышлять... Я, например, не был участником, т.е. зрителем, и этот обзор — для меня — пустой звук. Почти... Другое дело — развернуть беседу по поводу авторской песни вообще, отталкиваясь от реплик автора по поводу фестиваля.

3. «Разбилось венецийское зеркало». Сразу же натякаюсь на подтверждение мыслей о фестивале — у автора подобное мнение о ролевых играх. Вот так — плюс, минус... Судя по тем кусочкам восторгов, полагаю, что и в самом деле стоило побывать в «Эпохе возрождения». Впрочем, я лично хотел бы побывать хоть на одной, любой, ролевой игре и поучаствовать, разумеется. Но реально это невозможно: тут надо иметь желание, возможности, время и средства... ладно, проехали.

Бесспорно, «любимым детищем» редакции был 12-й номер. Потому и особо грели душу теплые отзывы о «Сказках этого лета». «Трогательные рассказы о каникулах» отметил **Евгений Володарский** («Елена Попова написала очень здорово! Настоящая поэзия в прозе... Очень хорошо «донесение» с ролевой игры!»); «одним из самых удачных с момента основания» назвал номер **Михаил Веретенников**. А вот фрагмент из письма **Александра Зорина**: «Выпуск «Голоса» получился весьма душевный. Особенно хороши писания Антона Федорова. Просто приятно читать, не в смысле получения какой-то там информации, а сам «процесс» в радость. Хороши и заметки про ролевинов. Я тут одно время общался с местными нашими толкнутыми игроками, так что могу представить то, о чем говорится. Про Азов было интересно почитать — все-таки бывал, мы там даже фотографировались под катером и у пушек на валу. Так что сразу многое чего припоминается». **Марина Зайцева** из Хабаровска, предложив свою помощь редакции, попросила: «передайте мою личную благодарность Борису Таранову за великий почин, т.е. прогулки по всяким «крапивинским» местам. Их в каждом городе хватает. В нашем тоже. У нас даже Храм Девяти Щитов есть (не говоря уже о ржавой свалке).

Ккие конкретно фильмы-сказки (зарубежные и отечественные) вы считаете лучшими?

Я на этот вопрос достаточно часто отвечал... Я не знаю, очень сложно каждый раз вспомнить что-то конкретное. Из зарубежных — наверно, старый фильм «Бэмби», «Бесконечная история». Из наших — «Приключения Буратино», «Про красную Шапочку», «Тайна железной двери», «Приключения желтого чемоданчика» (хоть на первый взгляд фильм этот простой, но я считаю, что там очень хорошая актерская игра).

Акак вы относитесь к фильмам Александра Роу?

Это классика. Но мне все эти русские народные сказки мне почему-то кажутся достаточно однообразными. Они хорошо сделаны, но очень похожи, вплоть до подбора актеров... Мне больше нравятся сказки, где есть переплетение сказочного антуража, сказочной атмосферы с реальностью («Старик Хоттабыч», «Там, на неведомых дорожках...»).

Как Вы считаете, поклонники ваших произведений — это законченные романтики?

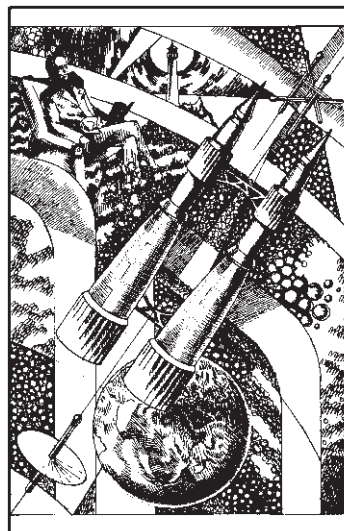
Нет, не считаю. Среди них достаточно и прагматиков, в том числе так называемых «новых русских» бизнесменов.

Для меня Ваши книги — каждый раз событие. Но каждый раз, когда дочитываешь до конца, возникает такое щемящее чувство: ну почему, почему нельзя хоть раз устроить безусловный хэппи-энд? Почему финал «раздваивается», и читатель сам должен выбирать, какая версия ему подойдет (погиб Гласс или стал Командором? жив остался Шурка или лето все-таки кончилось? доберутся до Сырой Веранды с помощью кораблика Рыкно — или придется ТЕМ способом? и т.д.)? То есть, конечно, мы как бы выбираем, что «никто не разбился» — но при этом чувствуется, что возможность выбрать счастливый конец вы нам дарите, как подарил Митька Ельня письмо от Домового. А на самом-то деле все было не так... Я понимаю, что «жизнь наша такова, там не бывает однозначностей, все многовариантно», и так далее. Но все-таки это так грустно... «Хэппи-эндов не бывает» — это ваш непоколебимый принцип?

То, что хэппи-эндов не бывает — это действительно мой принцип. И то, что я оставляю читателям право окончательно решать, что же было на самом деле — это я тоже делаю сознательно.

Однако, «идя навстречу пожеланиям трудящихся» (вернее, навстречу пожеланиям читателей), я совсем недавно написал повесть «Мальчик девочку искал», где хэппи-энд абсолютно стопроцентный, безусловный и не подлежащий никакому сомнению. Те, кто хочет такого конца — пусть прочитают эту книгу. Если она им понравится, я буду благодарен.

Владислав Петрович, насколько вы верите в то, что «одна и та же идея может прийти в голову нескольким людям — независимо друг от друга»? То есть идеи, образы и т.п. как бы существуют самостоятельно в некоем «надреалистическом» пространстве и пробиваются в реальность посредством человека. Скажем, стучался,



стучался рассказ (повесть, роман...) в голову одному, и тот вроде собирался его написать, да все как-то откладывалось... Идея не выдержала и пошла искать другие пути — и потом первый очень удивляется, читая какую-нибудь книгу: как же так, я же собирался именно об этом написать! Так **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** бывает?

Действительно, так бывает. Чтобы не огорчаться, увидев придуманный тобой рассказ подписанным другим человеком и уже опубликованным, надо не тянуть время и стараться писать скорее и опередить других — тех, кого посетили те же идеи...

Как Вы относитесь к Р. Бредбери? В частности к часто возникающим у него мотивам о некоторой inferнальности детского мира, его чуждости взрослому «хорошо» и «плохо», да и вообще чуждости всему взрослому миру?

Я к Рэю Бредбери отношусь очень хорошо. По поводу отношения к мотивам... наверное, это отражено в моих книгах. Я стараюсь не отделять напрочь детский мир от взрослого. Наоборот, они достаточно взаимосвязаны — иногда по-хорошему, иногда драматически... Это жизнь, от этого никуда не уйти.

Скажите, как вы относитесь к слову «воспитание» и как на ваш взгляд найти золотую середину между «родителем» и «другом»?

Я не совсем понимаю, зачем в данном случае искать какую-то «золотую середину». Родители — это родители, это (в идеале) любимые и любящие мама и папа. А друг — это друг, это совсем иная категория, иной стиль отношений. Никакой середины искать не надо, надо просто понимать, что и то и другое для ребенка (и для человека вообще) очень важно.

К слову «воспитание» я отношусь как к термину. Воспитание может быть всяким, надо смотреть — что именно имеется в виду, чтобы говорить о конкретике этого понятия.

Владислав Петрович, очень хотелось бы узнать — кто был прообразом моих любимых героев — Яра Родина и Читы из «Голубятни на желтой поляне».

Образ Яра Родина — это собирательный образ, поэтому я не могу назвать конкретного человека. Образ Читы — был у меня такой паренек в отряде «Каравелла», в начале 70-х годов. В очках, большой любитель чтения, несколько рассеянный... И когда я писал про Читку, я имел в виду именно его. Звали его, правда, по-другому — но называть имя прототипа, наверное, нет смысла...

Вы наверняка знаете писателя Кира Булычева. И то, что по его книгам снято много фильмов. Самый известный — это, конечно, «Гостья из будущего». После показа этого фильма по ЦТ все мальчишеское население просто голову потеряло от главной героини Наташи Гусевой. Так вот, мне интересно, столкнулись ли вы с этим в «Каравелле», и если да, то какова была ваша реакция?

Я не помню, чтобы кто-то в отряде «Каравелла» терял голову от главной героини. Фильм смотрели с интересом, но ажиотажа не было. Это ни в коем случае не говорит о том, что фильм плохой, скорее — говорит о специфике отряда «Каравелла». Там достаточно было своих симпатичных девочек, по которым мальчишки из «Каравеллы»... ну, не сходили с ума, но видели в них свои идеалы.



этого материала, но вот один подарок требует отдельно рассказа.

За день до встречи с Владиславом Петровичем Борис заставил нас с Антошкой крутиться на субсветовой — мы носились по округе в поисках подходящего арбуза. Вечером Боря начал священнодействовать, разумно поручив нам с Антоном подсобные дела. А задумалось у нас угостить Командора крышоном. После долгих угоров (в чем Борис мастер) горничной этажа, в нашем номере появились более-менее глубокие посуды для священнодействия. Сия дородная дама со сжатыми в нитку губами собственноручно занесла требуемое, подозрительно окинув взглядом мою фигуру. Надо сказать, что я сидел на стуле, поджав под себя босые ноги, и попыхивал трубкой.

Для крышона Борькой с довольно здорового арбуза была аккуратно срезана макушка, мякоть выбрана, вычищена от косточек (ох мы и липкие все были!) и возвращена на место. Потом все было залито ликером и ночь морозилось в холодильнике. В какой-то момент кто-то из нас предложил вырезать на арбузе «Крапивин — форева». Такого громового и продолжительного ржания давно видимо не слышали в гостинице.

Утром мы понесли крышон (не-а, Борисам с Антоном эту драгоценность не доверил — сам нес осторожно-осторожно) к Командору. Плевать нам было на бесконечный дождик и ветер. По приходу в гости мы с гордостью достали из объемной сумки крышон, приготовившись залить его еще и бутылкой шампанского. И тут Владислав Петрович сообщил нам, что у него аллергия на арбузы... Вы бы видели лицо Бори!

Но все ж крышон стал центром нашего стола во время беседы, и даже Командор попробовал это яство... Все было так хорошо и славно, что, выйдя из гостей, мы несли в себе еще большую драгоценность — мир Командора, его слова, улыбку, ласковую благодарность, когда мы пели ему «Многие лета» на три голоса и еще многое-многое, такое ценное для каждого из нас, такое «что-то», не описываемое словами.

Когда вышли под дождик, то, не сговариваясь, подскочили разом с воплем «Ие-е-е-ес!»... Хм...

Но все имеет свое завершение...

У нас оставалось совсем немного времени, чтобы попрощаться с городом Екатеринбург. Очень уж нам хотелось попасть на телебашню, уныло и бесхозно торчащую посередине города. Сказано — сделано. Как добрались, смутно помню — только

вот уже топаяем мы по грязи пустыря вокруг этаной махины, здрав голову от восхищения. Мы с Антоном сразу решили, что залезем. Борька напрочь отказался. Начали искать вход. Не было его вообще. Решили поискать хоть какую-то лазейку внутрь — ни фига. Пока бродили и тарачились в высоту, с двух сторон тихо так подошли милиционеры с собаками и «калашниковыми». «Уважаемые, шли бы вы отсюда...», — уныло было сказано нам, и мы пошли — выбор был невелик. Так эта телебашня и осталась непокоренной нами.

Потом понесло нас в редакцию «Уральского следопыта». Даже сами не знаем — зачем. Любопытство. Во дворе за столом сидела компания молодежи, которая встретила нас каким-то «Че надо?». Мы тут же напрялись. Борька быстро нашелся: «Можно свежий номер купить?». «Ага! Сорок рублей давайте». Нас провели в редакцию. Знакомое мне по «Аэлитам» помещение было пусто и заставлено строительными лесами, повсюду валялись старинные книги. Борис попросил разрешения посмотреть одну книгу. Стройная цыпа рявкнула на нас «Ниче руками не трогать!»...

Покинули мы редакцию очень быстро. Неприятно было и гадко на душе — словно чем-то испачкались. Это уже был не тот «Уральский следопыт», что я знал по прежним годам. Даже больше не хочу о нем вспоминать.

Мне нужно было уезжать первым — ребята ехали в сторону Москвы часов через 12. Помню, как мы опаздывали к моему поезду, неслись по переходам вокзала. Помню, как на перроне смущенно наскоро попрощались, и я поехал в свой Орск. Честно скажу — такой черной дороги у меня давно не было — все сущее занимало только одно: мне хотелось, чтобы наше совместное путешествие продолжалось еще и еще. Но...

Во время этих полутора недель, проведенных вместе, родилась в нашей компании сумасшедшая идея — перевезти меня и мою семью в Москву. А вот тут начинается совсем другая история. Скажу только, что вот уже полгода, как я живу в Москве, и два месяца назад я перевез сюда семью... Об этом как-нибудь в другой раз, а пока в душе очень глубоко и надолго поселилось последнее лето двадцатого века. А точнее август.

Славный август двухтысячного...

А вот я брожу по небольшой зауральной рощице, нацепив на голову наушники, на пояс Борькин плеер, и весь мир наполнен музыкой. А Борька, Антошка и Валюшка готовят на берегу Урала шашлыки. Я в наушниках за сушиняком для костра пошел. Долго ходил...

Еще помню: в тот день на наш шашлычный запах с обалденным соусом Борькиного приготовления выбрел огромный печальный дог из прибрежных кустов. Вся компания оцепенела. Дог грустно потянулся к кастрюльке с мясом, на что Борис невозмутимо отреагировал: «Эт чего такое? Мы тебя звали?» Тут из кустов вылез такой же грустный хозяин дога и увел псину...

Вспоминается сауна. Ох-хо! Что это была за сауна! Мы сибаритствовали на полную. Втроем (я, Борька и Антон) мы почти 5 часов провели в ней. Пили и пели. Пили много, но шампанское, но много. Бутылка 15... Н-да! Пели на три голоса (все ж, блин, вокалисты)... Здорово было! Ох и потом тоже было «здорово» — наутро.

Но Орск был в путешествии ребят не конечной остановкой. Нас (и меня тоже) ждал еще Екатеринбург...

III По другому и не могло случиться — я, как человек ну очень «собранный», забыл побеспокоиться о билетах до Екатеринбурга. И, как следствие, ко дню отъезда мы оказались у разбитого корыта. Роль «корыта» блестяще была исполнена 3-вагонным поездом с «общими» вагонами, в коем нам предстояло провести ночь до Челябинска, а оттуда уже добираться автобусом до искомой цели.

Преодолев столпотворение при посадке в вагон, более похожее на старые фильмы об эвакуации, мы оказались вообще без места — ехали некоторое время стоя, но ближе к ночи как-то устроились. Спали по очереди на единственной свободной верхней полке. Можете себе представить, в каком раздолбанном состоянии добралась наша троица до Челябинска. Ожидать рейсового автобуса предстояло часа 4 — пришлось упасть на сиденья напротив вокзальной чебуречной. Антон, недолго думая, уснул. Борис, набрав газет, погрузился в чтение. Я же вперился в разношерстную толпу около чебуречной.

Люди продвигались к окошку, расползались по столикам, ели-пили. Среди толпы сновали пацаны-бродяжки. Одетые в рванье, вызывающе громко ржущие, кланчащие у жующих людей остатки пищи, кофе... Зрелище грустное, но привычное. Потому я старался не обращать на мальчишек внимания, закрывшись в своих мыслях. Ненадолго меня хватило — внимание привлек мелкий

пацаненок, таскающий за собой щенка на грязной веревке. Мальчишка неопределенного возраста (лет 7–12) также кланчил еду, но все, что получал, честно делил со щенком. Так четко показалось мне, что вот для этой парочки все лучшее на свете — только они. Пацан отхлебнул из бумажного стаканчика выпрошенное кофе, дал полакать щенку, и потом допил остатки. А мне вдруг (как всегда) стало стыдно за свою улаженную жизнь, пусть небогатую, но сносную. В башку прибрела откуда-то старая мысль: «Ну что, крапивинист! Вот тебе возможность помочь человеку! Чего застыл? Только в мыслях правильный, хороший. Ну, давай, встань и хоть как-то помоги человеку. Ему намного труднее, чем тебе. Неизвестно — есть ли у него вообще семья, а может, этот пес — все, что есть у пацаненка». Ох и нехорошо мне стало почему-то. Насильно заставил уткнуться себя в газету, но краем глаза все время невольно видел челябинских бомжат и этого... со щенком. Когда пришло время автобуса, я прямо-таки сбежал от этой чебуречной...

IV Екатеринбург встретил нас унылым морозящим дождиком и ветром. Осень хозяйничала в городе. Кое-как найдя гостиницу «Большой Урал», мы добрались до своего номера. Ребята с жаром попросили меня «обкурить» трубой комнату, избавив их от мерзкого гостиничного запаха трехместного номера. Потом мы сразу уснули и продрыли часов до 12 ночи. Очнувшись, решили погулять по ночному Екатеринбургу. Первый час было интересно до жути. Я не был в Екатеринине года так два-три, а ребята так вообще впервые приехали.

Прошли по мосту через речку Исеть, мимо весело и нетрезво орущей компании у караоке-установки. Снисходительно скривили морды — пели далеко не профессионалы, да и не светило это им стать таковыми. Во второй час продрогли до жути, но дошли, через площадь 1905 г., почти до дома Владислава Петровича Крапивина...

А-а-а! Вспомнил — я же не рассказал вам зачем, собственно, нас понесло в Екатеринбург! Хотя многие уже догадались... Странно было бы, если б мы попали в этот город и даже не вспомнили о Командоре.

На следующее утро Борис уже обрывал телефон, дозваниваясь до Владислава Петровича, и напрашивался в гости. Мы приехали, конечно же, не с пустыми руками — у всех было что-то для Крапивина. Борька и Антон еще из Москвы связались с ним и испросили разрешения посетить его. Что мы подарили — пусть останется за чертой



Нет у меня такой идеи, честно говоря, не было. Это был просто Пассажир, как он себя представил — таковой он и есть. Не более и не менее того... Если я кого-то разочарую — то пусть домысливают сами. Но — это ни в коем случае не сам Павел Находкин.

П риходилось ли Вам сталкиваться с фантастическими вещами в реальной жизни? Совпадение это или просто случайность? Верите ли в PROVIDENIE?

Сталкиваться — приходилось. В PROVIDENIE — верю.

О тветьте, пожалуйста, бывает ли с детьми НЕИНТЕРЕСНО? Дело в том, что я 7 лет проработал учителем русского языка и ушел из школы именно из-за того, что мне стало неинтересно работать с детьми. Поясню. Мне как мужчине давали «самые-самые» классы, и говорить в них с ребятами было абсолютно не о чем. Не смог я их «зажечь». Как Вы считаете, можно зажечь любого ребенка или действительно есть «дебилы» и «солёные», на которых стоит махнуть рукой? По крайней мере, судя по Вашим книгам, мне так показалось. Или я себя оправдываю?

С детьми иногда бывает неинтересно. Все зависит от детей, дети ведь бывают разные. Я отнюдь не склонен идеализировать детей и считать, что с ними всегда великолепно, хорошо и здорово. Наверное, автору вопроса либо просто не повезло и он не смог, не сумел их «зажечь», либо дети были такие, что их нельзя «зажечь» — такое в жизни возможно, хотя это и грустно. Я не могу дать более конкретного ответа на ситуацию, не зная ни этих детей, ни этого человека.

Т олько что прочел «Трое с площади Карронад» и еще несколько Ваших книг в файлах. Очень жаль, что не знал Ваших книг в детстве. С ними мне было бы легче выдерживать и выжить, сохранить себя. Школьные, уличные, семейные реалии «глазами ребенка» описаны великолепно и узнаваемы до слез. Как страшно, что 99% Славков Семивратовых в этой стране — в их числе и я — не могли и мечтать когда-нибудь попасть в Город своей мечты.

Но вопрос мой не о том. Почему-то мне кажется, что так и не названный по имени Город из «Карронад» дает достаточно идеализированную картину Севастополя. В конце концов,

это был во многих отношениях рядовой город той страны. Хоть в нем и было Море, мне почему-то кажется сомнительным, что наугад выбранная севастопольская школа будет столь разительно отличаться своей атмосферой от средне-советской. Гораздо больше Славкины послепереездные впечатления похожи, представьте себе, на воспоминания о переезде нашей семьи в Канаду три года назад. Даже слабо на первых порах понимаемый язык в новой школе не стал стрессом — очень скоро у дочки появились первые в жизни (буквально!) друзья — в России она была очень замкнутым ребенком и общалась почти исключительно с родителями. И, представьте, здесь тоже есть настоящее море, паруса и бастионы, не говоря уж о множестве других жизненно необходимых для ребенка вещей и впечатлений. Конечно, значение повести не исчерпывается темой «уезда», но все же мне кажется поразительным, что лучшее, с моей точки зрения, описание эмиграции из России глазами ребенка обнаружилось в произведении, написанном двадцать лет назад и совершенно по другому поводу... А что сам автор может сказать о таком «прочтении»?

Я рад, что у вас возникли такие ассоциации с моей книгой. Неважно, где вы и ваша семья нашли свой Город — на крымском побережье, на американском... Главное — что нашли, чтобы всем вам было хорошо. Дай Бог вам удачи и счастья.

Давным-давно отец мне сказал, что «каждый мальчишка должен прочитать „Валькины паруса“». Так я и поступил. С тех пор старался читать все Ваши книги, которые мог найти в нашем городе. Потом был перерыв — долгий, лет на десять — появились не то, чтобы другие идеалы, просто расширился горизонт. Честно скажу — мне страшно себя сегодняшнего сравнивать с собой прошлым, которого я хорошо помню. Далеко не все во мне, к сожалению, соответствует моим детским представлениям о себе взрослом. Но могу сказать, что иду, в основном, по курсу, хотя и «рыскаю». Интересно, в наши дни Вы чувствуете, что Ваши представления о жизни стали несколько другими, чем в 70-е и 80-е годы?

На этот вопрос ответ может быть не однозначным, а двузначным. В чем-то стали иными, а в чем-то (наверное, это и есть основополагающие принципы) — сохранились прежними.

Почему в Ваших произведениях так часто поднимается тема смерти, в особенности смерти детей (зачастую главных героев)?

Я не считаю, что в моих произведениях тема смерти детей поднимается часто. Иногда это случается, но все-таки это не основная тема.

Вообще тема смерти поднимается обычно по двум причинам. Во-первых, смерть — это часть жизни, часть нашего бытия, от этого никуда не деться, и обходить эту тему в литературе, когда пишешь о мироздании в целом (а иногда приходится писать об этом), довольно трудно.

Во-вторых — потому, что в наше время, к сожалению, дети гибнут гораздо чаще, чем это диктовалось бы логикой нормальной жизни. Эта жестокость нашего бытия, с этим надо бороться, а бороться с этим можно только тогда, когда говоришь и рассказываешь об этом, когда бередишь чьи-то души...

Вваших книгах центральное место занимает дружба. Скажите, неужели такая дружба действительно



Коллаж
Вадима
Филиппова



Вадим Филиппов СЛАВНЫЙ АВГУСТ 2000-ГО

С чего начать? Может, с той грусти об ушедшем лете, которая наваливается на меня, стоит только начать вспоминать? Сейчас, когда вся жизнь моя поставлена с ног на голову, когда... Нет. Не стоит так начинать. Грустно слишком.

Или начать с тех счастливых минут раннего летнего утра маленького провинциального городка Орска, тихой тишины еще пока пустой редакции? Славные минуты. Солнце пробивается сквозь закрытые жалюзи, полосою зебры комнаты редакции, в приемной

старенький сторож поспыпывает во сне на диване. Я тихо крадусь к своему компьютеру, стараясь не шуметь — все-таки 6 утра. Сторож не виноват, что мне срочно надо получить электронную почту...

Вот с этого и начну. Это лето заслуживает того, чтобы о нем рассказали. Антошка Федоров и Боря Тараканов, активные действующие лица этой истории, на бумажное воссоздание ее так и не сподвиглись. Значит все в моих руках.

И было это июльское утро 2000 г. Я на работе. Зашкворчал модем, с сотой попытки подцепившись к Интернету, запущена почта и в куче каких-то невнятных рекламных писем «сваливается» ко мне долгожданное письмо от Бори Тараканова. Я замираю от предвкушения приятного чтения, но сначала бреду на нашу редакционную кухню и готовлю себе огромную кружку кофе. «Вадька, в августе жди меня в гости!». Приблизительно такие слова заставили меня почти подпрыгнуть в кресле, хорошенько расплевая по брюкам кофе...

И Я не знаю, кто будет читателем моего рассказа. Совсем не обязательно — человек настроенный ко мне с симпатией. Может позже ты, читатель, будешь ухмыляться со словами: «Вот идиот-то!» Ничем я не могу исправить эту ситуацию. И надо ли? Факт остается фактом — после упомянутого письма Бориса я больше не мог спокойно жить. Вся моя душа изо всех сил ждала приезда Друга. Чуть позже мне стало известно, что с Борькой едет и Антошка Федоров. Дикая вроде ситуация — какой разумный человек в летний отпуск поедет отдыхать на стильный и промозглый Урал? Особенно в августе — у нас уже осень. А время тянулось как жвачка. Но все же подобрался день приезда ребят. Я «прилетел» на наш вокзальчик. Еще несколько томительных минут и вот из-за поворота вырвался московский поезд. А еще через долгое-долгое мгновение я обнимался с Борькой и тряс руку Антошке — мы с ним виделись впервые, так сказать, оффлайн.

Все происшедшее потом в Орске вспоминается всплывками, какими-то кадрами. Вот мы сидим на кухне и говорим, говорим обо всем на свете. За окном темень. Я курю трубку, подаренную ребятами. Смеемся, даже можно сказать бесимся. Пьем вино. Много пьем. Хм.

Помню как у меня дома моя жена Валуша, совершенно ошарашенная Борькиной высокоскоростной способностью говорить, попыталась в шутку ответить ему на такой же скорости. Это не осталось Борисом не замеченным — этот уникам ответил еще быстрее. Жена только хмыкнула и, улыбаясь, плюнула на свои потуги перегнуть Бориса.

проведенного Смоленской областной детской библиотекой. Там пятиклассники в числе любимых называли и его книги. У нас пятиклассники тоже читают Крапивина, одну-единственную книгу — «Дети синего фламинго». Иногда еще — «Летающие сказки» и «Мушкетер и фея». От остального решительно отказываются. Почему? Это вопрос вопросов. Но назову хотя бы причины, лежащие на поверхности. Внешне подрастающее поколение мало чем отличается от нас в детстве или от крапивинских героев. А внутренне они другие, в первую очередь, более прагматичные. Во всех детских библиотеках страны отмечен стремительный рост «делового чтения»: энциклопедические издания нарасхват, зачастую их берут для удовлетворения собственного интереса. А художественную литературу — исключительно по заданию школы. Если же что-то просят «для души», то это «что-то» представляет собой комиксы, детские и недетские детективы, женские романы, боевую фантастику. Вам это о чем-нибудь говорит, господа взрослые? Дети рвутся читать то же, что читают папы и мамы, что им усиленно рекламируют. Конечно, не стоит возводить это в разряд трагедии, но облегченное чтиво все больше доминирует, а лучшие образцы мировой литературы, изучаемые в школе, воспринимаются как неизбежное зло. Очень ли мы любим обязательные списки для чтения?

Конечно, это усредненный читательский портрет. Есть читатели экста-класса, а есть армия совсем не читающих. Среди первых есть поклонники Крапивина, особенно его цикла о Великом Кристалле. Но однажды я подарила «Острова и капитаны» одной очень талантливой, тонко чувствующей и умной девочке и услышала от нее — «Я ненавижу его книги!» Отнесем это сильное выражение на подростковый задиристый максимализм, но факт налицо: девочка не приемлет книги Владислава Петровича, а я-то была уверена, что осчастливила ее своим подарком. Конечно, это частный случай, но...

А теперь — о моем собственном опыте пропаганды творчества Крапивина. С 1993 г. я серьезно занимаюсь еще и радиожурналистикой, постоянно веду радиопрограммы для детей. Были у меня передачи, целиком посвященные Крапивину — «Чем крепче ветер», «Лауреат «Аэлиты»», «Командору — 60». Конечно, и рассказ о журнале «Уральский следопыт» был немалым без рассказа о писателе. Но весной 1996 г. я объявила радиоконкурс по творчеству Крапивина (а радиоконкурсы, как правило, идут «на ура»), где всего-то и просила

прислать небольшой отзыв об одной из книг или иллюстрацию. И впервые мой конкурс практически провалился. Всего-то семь сельских девочек откликнулись. Что оставалось делать? Выслать призы в села Нивное и Филипповичи, просто рассказать о Крапивине и некоторых его книгах и отказаться от конкурсов и викторин по его творчеству.

Однако совсем от пропаганды книг Владислава Петровича я не отказалась. Это происходит как бы само собой. Например, задумала я передачу «Капитаны» — как тут обойтись без Крапивина! В передаче о литературных сказках залетел его «Ковер-самолет», в другую, под названием «Лягушка крупным планом», прыгнул озорник Чип. Рассказ о Севастополе не обошелся без Грина и Крапивина, а история «бродячего сюжета» о «Золушке», конечно, немалым без «Еще одной сказки о Золушке». Не хочу я больше ребятам ничего навязывать, но книги Крапивина действительно частые гости моих радиопередач. Примерно 15 программ я вспомнила, но что-то уже позабыла.

Да, была передача «Моя любимая книга — это...» Продолжить фразу должны были сами ребята. И тут меня ожидал большой сюрприз. Нет, никто из ребят не назвал ни одной книги Крапивина в числе любимых. Но я получила письмо от 19-летней студентки Татьяны, увы, без обратного адреса. Уже пять лет я храню и это письмо, и второе, пришедшее почти через год. Письма до того хороши и интересны, что так и просятся на страницы «Голоса» — это настоящие гимны книгам Владислава Петровича, его героям, самому Командору. Но нет никакой уверенности в том, что Татьяна, так и оставшаяся незнакомкой, дала бы согласие на публикацию — настолько они личные, исповедальные. Татьяна — истинный лощманит... не подозревающий, вероятно, о клубе.

Тоже проблема, между прочим. Не всем доступен Интернет, не все читают «Книжное обозрение» (откуда я узнала о рождении «Лощмана»), а «Та сторона» и «Голос», в основном, доступны лишь членам клуба. Подозреваю, что в Брянске найдется еще немало поклонников Крапивина, но как их обнаружить? На мои радиопередачи отреагировала одна Татьяна. Написать о «Лощмане» в газету? Я не знаю ни одного местного издания, заинтересовавшегося бы подобным материалом. Хотелось бы с чужим опытом подобной деятельности по пропаганде творчества Крапивина познакомиться. Среди лощманитов немало библиотекарей, педагогов, может, им есть, что сказать по этому поводу? •



кая история мало знает примеров самопожертвования?

P.S. В одном из предыдущих интервью заходил разговор об отношении Крапивина к Калуге. Его продолжением, диалогом Владислава Петровича и Антона Икрянникова, мы и завершаем сегодняшнюю подборку. Можно только упомянуть, что в 22-й том «центрполиграфовского» собрания сочинений В.П. Крапивина вошли три части «Кратокарфана» («краткого словаря крапивинской фантастики») — посвященные фантастическим существам и кораблям, упомянутым в его книгах, а также «географии и космографии» миров писателя. И во вступлении Владислав Петрович принес «особую благодарность читателя из Калуги — Антону Икрянникову. Он прислал многочисленные поправки, добавления и комментарии ко всем трем разделам «Кратокарфана». Причем это замечания очень внимательного и доброго человека». Ну, а сам диалог — перед вами.

— Антон, пожалуйста, напомните, кого именно я «ссылал» в Калугу? Тогда постараюсь ответить.

— Навскидку вспоминается: Из «Возвращения клипера „Кречет“»: «У бабушки есть люстра с хрустальными подвесками. Но бабушка в Калуге. И люстра тоже». Из «Чюки-чюки»: старуха, продавшая Пеночкиным дом, переехала после этого в Калугу (если не ошибаюсь, к племяннику). Из «Бабушкиного внука»: старший брат Алексей жил в Калуге. Вроде бы есть что-то ещё, но наизусть вспомнить не могу, а искать — не стоит того. Но таких случаев было достаточно, чтобы мне почудилась некая тенденция.

— Калуга представляется мне очень типичным русским городом — и не совсем провинциальным, и отнюдь не столичным. То есть хранителем каких-то добрых русских привычек и традиций, доброй русской старины... Мне кажется что люди, живущие в Калуге, как-то по особому добры и по особому хороши своим характером. И город хороший, я был там, правда, лишь однажды — но он мне очень понравился, и я время от времени этот город вспоминаю. Но никакого особо глубокого смысла сюда не вкладываю... •

ВАЛЕНТИН ЛУКЬЯНИН КРАПИВИН В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ

В мае 2000 года в Екатеринбурге взяли старт «Крапивинские чтения», которые продлились до середины октября. Инициатор их проведения – Центральная городская библиотека им. А. И. Герцена. Чтения – это прежде дань уважения и выражение благодарности нашему земляку Владиславу Петровичу Крапивину, человеку, который на протяжении десятилетий остаётся любимым автором юных читателей. Отголоски этого события появились на официальной странице Крапивина в Интернете (www.rusf.ru/vk/index.htm), и мы предлагаем вниманию читателей один из докладов (его оригинал был размещен на странице www.gibs.uralinfo.ru/new/Chtenie.htm).

не к крапивинским героям, усомнились вдруг: да разве ж они в жизни такие?

Другие критики обрадовались как раз «непохожему» крапивинскому «мальчику со шпагой»: такое, дескать, обаятельное соединение гайдаровского Тимура с гайдаровским же Мальчишем-Кибальчишем! В жизни таких ребят не хватает, так пусть хоть литературному герою пионеры подражают. Но вскоре оказалось, что «мальчики со шпагой» довольно неудобны для наробразовской системы, и опять появился повод критиковать Крапивина.

Кое-кто из критиков, поднаборов в разборах «взрослой» социально-психологической прозы, выражал умиление, находя в произведениях Крапивина изображение «становления духовного мира ребенка», но появлялись новые вещи Крапивина — и приходило разочарование: дескать, «читателю не ясно, почему, когда, при каких условиях „герой“ стал таким».

Логика этих оценок всегда была для меня не очень понятна: почему о достоинстве образов писателя судят по тому, насколько они похожи на то, что довелось критику встретить (или не встретить) в жизни или вычитать в понравившейся ему книге другого писателя? Почему считается, что читать о «становлении духовного мира» интересней или полезней, чем о его проявлениях после того, как он сформировался? А главное — все подобные рассуждения ровным счетом ничем не обогащают моего восприятия произведений писателя. Получается так, что Крапивин сам по себе, а критика о нем — сама по себе. «И с мест они не сойдут». (Кстати, хоть я не делал конкретных ссылок, даже если цитировал дословно, но ничего не придумал: все взято из когда-то читанных мною рецензий и статей о Крапивине.)

С давнего времени ощущаю разницу между тем, с каким неподдельным удовольствием читают Крапивина читатели, и тем, как брюзгливо — через губу, с оговорками и похлопыванием по плечу — пишут о нем критики. Да и не только с Крапивинным эта оказия — просто в случае с ним она острее чувствуется, потому что контраст получается резче.

А дело, по-моему, в том, что читатели — «нормальные» читатели — просто читают, а критики вычитывают. Вычитывают то, что им — в силу каких-то особенностей их склада ума или опыта — хотелось бы видеть в сочинениях писателя. А не находя искомого, бывают очень недовольны не собой, а писателем, хотя недовольство свое выражают осторожно и с оговорками — все-таки «классик», и мнение читателя нельзя вовсе уж игнорировать.

Вычитать же у Крапивина хотят разное. Так, самая первая рецензия на самую первую книгу тогда еще совсем молодого писателя называлась: «Как в жизни». Дело в том, что наиболее привычным, доступным и легко применимым критерием художественности в 50—60-е годы у нас было жизнеподобие («Изображение жизни в формах самой жизни», — повторяли тогда вслед за Чернышевским). И первый рецензент увидел законный повод для похвалы, обнаружив, что герои Крапивина так похожи на реальных детей. Но прошли годы — и уже новые рецензенты новых книг писателя, присмотревшись присталь-

сейчас перечитала — и ощутила куда большую грусть. Ведь шамбранам и их друзьям и не снилось, через что предстоит пройти и им самим, и Покровску-Энгельсу, и всей нашей стране... Похоже, не обращала я в свои юные годы внимания на последние страницы книги, на «последний парад героев повести, переключку класса «А». На список погибших по разные стороны баррикад. «Но никто из них не умер»... Может, и так — ведь книга-то живет! Живут все герои Кассила, живут его советы — они, кстати, «прячутся» все в той же истории про принца Джунгахора, в главе, содержащей наставления джунгахорского поэта Тонгаора:

«За все, что происходит в мире людей, отвечаешь и ты! Не отказывайся от ответственности, это и есть — совесть!»

«Не позволяй себе брать от жизни больше того, что ты даешь ей сам...»

«Плыть надо и против ветра! Но следует знать,

откуда он дует, чтобы сообразно этому поставить парус»...

Неужели связь между книгами Кассила и Крапивина — «открытие»? Да это же очевидная истина, так и рвущая наружу! «Если бы взрослые реже забывали, какие они были маленькими, а дети чаще бы задумывались, какие они будут большими, старость не торопилась бы к людям, а мудрость не опаздывала бы»... Кто автор? Кассиль или Крапивин? А может, это и не важно? Ведь написать подобные слова мог каждый из них. А наша задача — не просто верить этим людям, но и стараться жить так же, как они — «головой в предел, не оставляя зазора между собой и потолком возможного, не расслабляясь в прогибе». И тогда «отвага, верность и труд непременно победят, как бы ни упирался встречный ветер, как бы ни хлопотала гроза. Радуга еще вскинется, обнимет мир, все будет хорошо, все станет как надо, дорогие мои мальчишки!»

Людмила Рыжикова Брянск

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Наши читатели викторины любят, особенно если они подкреплены призами. Но с каждым годом ответы становятся неувереннее, а то и вовсе следует молчание. Как бы мы не предлагали книги Владислава Петровича, берут их неохотно, а часто и вовсе не берут. Раньше некоторые названия входили в списки внеклассного чтения, и мы едва успевали десятку счастливых выдать «Палочки для Васькиного барабана» или «Белый щенок ищет хозяина», «Брат, которому семь». Снять же других были вынуждены отказывать. До сих пор не могу понять, чем руководствовались создатели списков, утвержденных Минобразом, почему включили именно эти ранние произведения Крапивина. Правда, есть подозрение, что авторы о других книгах писателя просто не подозревали в силу своего преклонного возраста. Как бы там ни было, но еще несколько лет назад Крапивин в детских, школьных, сельских библиотеках был читаем. Но исчезло его имя из списков, исчез и повальный «интерес» к его книгам». Честно говоря, я этому даже рада, потому что насильно любовь не привьешь, а неприязнь закрепилась надолго, если не навсегда.

Конечно, книги Владислава Петровича читаются, но мало и выборочно. Кстати, новых его книг в библиотеках почти нет — не на что покупать, да и негде. Недавно прочитала где-то о результатах анкетирования,



всех на свете...» Обычные слова? Может быть... Но так получилось, что недавно мне пришлось прощаться с человеком, рано ушедшим из жизни. И подумалось — почему так редко говорим мы окружающим, как дороги они нам, как хорошо, что живут они на свете. Правы, видимо, герои Кассиля, не скрывающие своих чувств.

Еще один томик. Светлый. Четвертый. Будь моя воля — включила бы повести «Чаша гладиатора» и «Ход Белой Королевы» в программу педагогических вузов вместо учебников. Ну да зачем воздушные замки строить? Лучше самой еще раз историю о лыжниках перечитать да приключения школьников в послевоенном шахтерском поселке вспомнить. Кстати — часто ли в конце 50-х даже во «взрослых» книгах писали о бытовом национализме? О судьбах реэмигрантов? Не помню, как воспринимала я «Чашу» в свои 12 лет, но сегодня четко услышала в этой книге разговор об Ответственности. Ответственности каждого из нас — за свои поступки, пусть даже совершенные сгоряча. Ответственности друг за друга. Ответственности страны за своих граждан... Думаете, слишком высокопарно заговорила? А вы перечитайте «Чашу Гладиатора»!

*«Я не знаю, где встретиться
Мне придется с тобой...»*

Как долго я искала слова песни, попавшейся мне на глаза все в том же четвертом томе. Сегодня, пожалуй, повесть «Будьте готовы, ваше высочество» многие горячие головы поспешат списать из библиотек... Но так ли важна ее политическая составляющая? Для меня эта книга — история Тони и принца Дэльхьяра, Дэльки... История оборванной дружбы. Самая пронзительная из написанного Кассилем. Она и по сей день вызывает першение в горле. Правда, перемешанное со смехом —

ну разве можно спокойно читать про Тараску-Транзистора, у которого «тайна стала чесаться в ухе и корябаться в горле»? Или без улыбки следить за страданиями персонала пионерлагеря, куда прибыл «наследный принц Джунгахоры»? И все же... «Что делать, в жизни не у всех историй пока еще веселые концы». И вот уже почти тридцать лет, уткнувшись в увязанный рюкзак, плачет «большая девочка, которую никто прежде, до короля Джунгахоры, не называл Тосей»...

*«Но никто из них не умер,
Все они спаслись,
Все они вдруг победили
И поднялись ввысь!»*

Знаменитый гимн Швамбрании! Мой «заговор» против подступающих слез... В 12-13 лет я воспринимала «Кондуит и Швамбранию» исключительно как веселую книгу о событиях пред- и послереволюционных. А



обращаюсь к вещи давней, не часто упоминаемой в статьях, возможно, и самим Крапивинным не относимой к числу главных своих удач (не спрашивал его о том) — к «летающей сказке» «Возвращение клипера «Кречет»». Почему именно к такой вещи? Потому что отголоски споров о Крапивине ее почти не достигали и потому что я помню ее (точнее помнил, когда начинал готовить это выступление, теперь-то уж, конечно, перечитал) настолько смутно, что пришлось читать как бы впервые.

Вот самые первые ее строки:

*«Норабельный гном Гоша
спонулся от шума. От плеска и визга.
Словно снаружи, за бортами, раз-
гулялось море, хлещет в пробину*

*вода и перепуганно визжат в трюме
судовые крысы.*

Но качки не ощущалось. Никакой.

Гоша открыл глаза и вздохнул.

*Над головой был потолок с облупившейся
штукатуркой. Пасмурно светилась
застекленная дверца балкона. За
стеклом, исхлестанным струями дождя,
проносились тени. Гоша знал, что это
летают низкие штормовые облака,
похожие на ключья пакли, которой
нопалят щели в норабельной обшивке...»*

В частных разговорах мне случалось слышать от писателей негативные суждения о крапивинском языке: дескать, прост и непритязателен. Вероятно, ждали изысков — и не находили.

Но у него изыск в другом! Для каждой подробности он находит предельно простое, но безупречно точное слово, так что язык у него становится таким же прозрачным, как хрустальный мальчик Тилька — один из героев этой сказки.

Между тем роль языка в повествовании отнюдь не нейтрально-информационная. Дело в том, что язык обладает так называемой избыточностью на уровне 60—80 процентов. Благодаря ей, мы довольно легко понимаем и неправильную (скажем, говорит иностранец, плохо

Сам я тоже критик, и поэтому следующее мое утверждение кому-то покажется самоуничижительным: критика (за исключением немногих исключений, которые требуют отдельного истолкования) — все-таки вспомогательная дисциплина. Но, скажем так, дать хороший пас не менее сложно, чем забить с хорошей же подачи гол в ворота. То есть я хочу сказать, что вспомогательные операции порой бывают не менее сложными, чем основные, — и я не вижу ничего зазорного для критика в том, что он выполняет вспомогательную операцию в литературном процессе. Надо лишь, чтоб она действительно помогала, а не мешала делу литературы.

В качестве вспомогательной дисциплины критика производна от процесса чтения. Ее назначение в том, чтоб укрепить и развить (или же разрушить, опровергнуть) читательское впечатление, опираясь на более широкий кругозор и развитый вкус — профессиональные преимущества человека, вооруженного знанием литературной истории, теории и повседневной литературной жизни. Из этого следует, что никакие априорные представления, теоретические постулаты и дорогие сердцу критика концепции не могут служить отправной точкой для критического анализа — они заведомо ведут к «вычитыванию». Единственно «законная» отправная точка критики — живое читательское впечатление.

Вот почему, отодвинув в сторону многомудрые критические статьи и литературоведческие исследования о Крапивине, я пытаюсь начать «с начала» — разобраться, чем и как формируется мое живое впечатление от его прозы. Для этого производжу своеобразный эксперимент над самим собой, вчитываясь — строка за строкой, слово за словом — в конкретный крапивинский текст. (Между прочим, с подобного «эксперимента» всякий раз начинаю работать над любой рецензией.)

Для чистоты «эксперимента»



знающий наш язык), и косноязычную, и перебиваемую шумами речь. Точно так же без труда мы понимаем и убогий язык переводных боевиков, и разухабистый стеб доморощенных «чейзов» и «сименонов». Информационная функция никак не объясняет хрестоматийного требования «работы над словом».

Однако язык литературного произведения выполняет еще и другую функцию — даже более важную, чем информационная. Он включает слово (вместе с заключенным в нем понятием, обогащенным всеми оттенками смысла) в некую мыслительную систему, отражающую сложившееся в сознании писателя представление о естественном порядке вещей. Или, проще (а может, сложнее?) сказать, — в образ мироздания, созданный мыслью и воображением писателя. В результате строй писательской речи выполняет функцию убеждения. Проще говоря, мы верим писателю, если интонация и манера его речи ложатся, что называется, в душу, и не верим (даже зная, что он своих героев и события «списывал с натуры»), если речь его невыразительна, корява, убога. Вот почему вовсе не обязательно прочитать книгу от начала и до конца, чтоб составить о ней представление. Нередко хватает и двух-трех абзацев. Полистал — и отложил в сторону: не мое. Или полистал — и, выхватив глазами две-три фразы, зацепился: что-то стоящее.

Вот и здесь я взял совсем маленький фрагмент крапивинского текста — и, читая его, прислушайтесь к себе, сосредоточьте внимание на ощущении, которое рождают эти по первому впечатлению бесхитростные, но очень точно выбранные и на единственно подходящее им место поставленные слова.

Заметьте: ни одно слово не выпирает из общего ряда ни по оттенкам смысла, ни по звучанию, ни по «ареалу обитания» в массиве языка. Все они подогнаны друг к другу, как доски в корабельной обшивке, — без малейшего зазора. За ними — ощущение мира, внутренне согласованного в самонаименованных подробностях, а значит, давно сложившегося, устойчивого, надежного, абсолютно достоверного. (Заметьте: речь идет не о читательском рассуждении, а о безотчетном ощущении на уровне подсознания — что-то вроде пресловутого двадцать пятого кадра, бесконтрольно влияющего на психику.) И в этом абсолютно достоверном мире — именно благодаря его не вызывающей сомнения достоверности — безупречно реальной фигурой выглядит корабельный гном Гоша, персонаж вполне сказочный.

Вот это превращение сказки в несомненную реальность само по себе — одно из тех чудес, к которым предрасположена душа любого не замороченного «концепциями» и «парадигмами» читателя. Поэтому даже не так важно, что там потом случится — читать такой текст, фразу за фразой, абзац за абзацем, хочется «просто так». С таким же чувством мы рассматриваем, например, беглый рисунок, сделанный рукой мастера: вроде и содержания особого нет, но завораживает вот эта упруго-стремительная линия...

Однако с помощью столь «аппетитно» выстроенных фраз оказывается возможным выстроить сюжет, который выглядел бы неубедительным в другой манере изложения. Крапивин проводит свой сюжет по



томики, если знаешь каждую их страничку, помнишь каждую картинку... Наверное, любой библиофил отнесся бы к ним с подозрением — уж больно зачитаны они. Но... не лучшая ли это награда для любого писателя?

Самый затрепанный, конечно, красный, второй том. Его обложке досталось больше всего — ведь брала я его в руки, как правило, отбывая «постельный режим» из-за очередной простуды. Почему-то именно «Великое противостояние» было одним из самых «сильнодействующих» лекарьств. Любила я, как ни странно, первую часть книги. Всевозможные «приключения», происходившие во второй части, меня интересовали мало — зато история Расщепея, невольное предательство Симы Крупицкой, ее переживания, «исправление ошибок»... Эти странички я перечитывала снова и снова, каждый раз все больше попадая под обаяние Расщепея. Помнится, что его смерть стала одной из немногих «книжных» смертей, которые я переживала всерьез. И слова жены режиссера о том, что «порой приходится себя за волосы поднимать» запомнила надолго.

Оказалось, что прошедшие годы почти не изменили моих «взаимоотношений» с «Великим противостоянием». Вот только раньше я как-то не замечала (или не могла оценить) сказку Расщепея, о пяти братьях и пяти волшебных кольцах, исполняющих лишь одно, самое заветное желание. «Разве можно быть счастливыми, когда кругом такое горе?»... Наверное, понимание этой

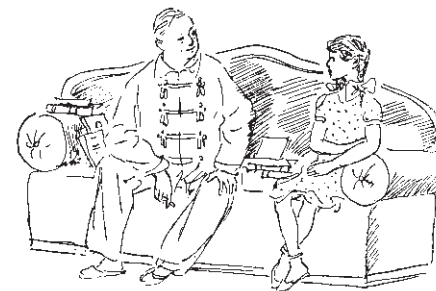
простой истины приходит со временем...

В одном томе с «Противостоянием» — «Дорогие мои мальчишки!». Для того, чтобы отправиться в Синегорию, мне не нужно брать в руки книгу — и по сей день достаточно просто закрыть глаза. Мгновенно оживут и Напка Бутырев «со товарищи», и отчаянные юнги, и Амальгама с друзьями... И, конечно же, Арсений Гай, чье «родство» с Аркадием Гайдаром всегда было очевидным... Тем более что рассказ о его гибели очень напоминал интонации гайдаровской «Военной тайны».

*И даже если нам порой придется туго —
Никто из нас, друзья, не струсит, не соврет.
Товарищ не предаст ни Родины, ни друга...
Вперед, товарищи, друзья, вперед!*

Сколько же лет держатся в моей голове строчки песни гордых синегорцев? Наверняка не меньше, чем при сказка Тошки Кандидова — «Пер Бано, это львенок, а не ребенок, клянусь душой!» Повесть Кассиля «Вратарь республики» всегда нравилась мне куда больше фильма. Господи, как понимала я всегда Антона Кандидова — то и дело «съезжающего с катушек», злящегося на себя — и от стыда срывающего эту злость на других... Как сочувствовала ему! Кто знает, может именно «при мер Антона» удержал меня от многих глупостей?

Сейчас, конечно, этой повести можно предьявить немало претензий. Вот только стоит ли? Ведь каждый может найти в ней что-то свое. Вот так и у меня сейчас получилось. Перечитывать «Вратаря республики» я начала с моей любимой сцены — когда Антон и Женька встречаются в больнице. И сразу «зацепилась» за признание Антона: «*Можешь, пожалуйста, ржать надо мной, что я бабой стал. Но знаешь, какой ты для меня есть друг? Самый дорогой ты, родной мне человек изо*



площадью Ленина, но и по сей день на площади частенько возникают торговые ряды. А Брешка, тоже как полагаются, теперь маленькая пешеходная зона — Покровский Арбат. И хотя шелухи от семечек несколько меньше, чем во времена Кассиля, но другого мусора бывает много. А совсем недалеко от Брешки гимназия, где разворачивались события повести, там теперь Технологический институт. Через дорогу от гимназии дом, куда Кассили переехали в восемнадцатом году, откуда Лев Абрамович уехал учиться в Москву, куда приезжал к родителям вплоть до середины 50-х — там теперь Музей Л.Кассиля. И совсем рядом — Центр творчества, бывший Дворец пионеров, где Кассиль тоже бывал, встречался с ребятами, подарил библиотеке книгу с автографом. Вот в этой самой библиотеке, ныне — Центральной детской библиотеке им. Кассиля, и собрались в конце октября и дети и взрослые, чтобы послушать — о чём будут говорить на юбилейной конференции «Лев Кассиль глазами взрослых и детей». Конференцию готовили и проводили работники Библиотеки и Музея.

Конференция проходила два дня на разных площадках и для разных аудиторий. Были серьёзные доклады и воспоминания, игровые программы и творческие встречи.

Самое большое огорчение — не смог приехать старший сын писателя — Владимир Львович Кассиль.

Самое шумное мероприятие — игра «Сплетенье судеб», на которой сражались три команды старшенклассников, Юрий было справедливым и лишним вопрос зададо только один раз. Победила команда «Дикие конь-яки», участники которой очень интеллигентно отказались в пользу музея от своего приза — торта, но потом всё-таки согласились его съесть.

Самым сложным оказалась, пожалуй, доклад доцента Саратовского пединститута М.Ионовой «Художественный мир Кассиля». Слушатели были буквально подавлены сложной и специальной терминологией. Зато

благодаря серии сообщений «Кассиль в кругу друзей» многим открылись новые грани характера писателя, новые страницы его жизни.

Самым неожиданным оказалось существование глубокой духовной связи Кассиля и Крапивина. Письмо Владислава Петровича, литературное обозрение по книгам Кассиля и Крапивина привлекли общее внимание. Сравнивались Синегория и Синеград, Швамбрия и Никаругва. Звучали стихи обоих писателей, песни «Наравеллы»... А выступающие неоднократно подчёркивали, что мальчишек и Кассиля и Крапивина связывают такие качества, как обострённое чувство справедливости, умение дружить и умение мечтать.

Оказалось, что современные подростки Кассиля читают, не много, поначалу даже с неохотой, а потом увлекаясь и открывая для себя важные вещи — о чём на конференции рассказала заведующая библиотекой А.Ермолова. А сотрудница московской Кассилевской библиотеки М.Порядина, размышляя о современном детском детективе, популярном среди подростков, пришла к выводу, что авторы стали сами играть в некую страну всеобщего благоденствия, выдавая её за Россию, за реальную жизнь. И ребята часто попадают в плен этой слащавой благополучности игры в чуждую страну, которая ничего общего не имеет с игрой в страны, придуманные героями и Кассиля, и Крапивина.

Конференция закончилась, гости разъехались, а в Покровске, который теперь называется город Энгельс, в библиотеках продолжают читать книги Кассиля, дети приходят в удивительный музей, где руками можно многое трогать. Летом, в день рождения Кассиля, уже в который раз будет проходить карнавальное шествие, которое возглавляет Шахматная королева вместе с Джемом Спутником моряков. И по главной площади с оркестром пройдут колонны в костюмах, с шариками и цветами, и будет праздник, посвященный детской мечте и странам, которых нет на карте.

МОЙ КАССИЛЬ

время учебники, тетради студентов и прочие полезные «талмуды», извлекла с дальней полки пятитомник Кассиля (тот самый, упомянутый Владиславом Петровичем) и...

Испарились без следа годы, я снова почувствовала себя двенадцатилетней и поспешила на встречу со старыми друзьями. А как иначе можно назвать эти цветные

тончайшей грани между будничной реальностью и безоглядной фантастикой, да так, что доставляет удовольствие верить самым невероятным вещам, которые он описывает. Я, например, просто ахнул от радостного изумления — так это получилось правдоподобно и убедительно, когда сильным порывом ветра подхватывает зонтик, в ручку которого вцепился хрупкий и легкий мальчишка по имени Владик, и, увлекаемый зонтиком, Владик легко перепрыгивает через лужи, придорожные кусты, потом даже и деревья, и дома. А уж раз обнаружилась способность героя летать на зонтике, то писатель ею и пользуется, что придает дальнейшему развитию сюжета самое фантастическое направление. Но летающий на зонтике Владик хорошо согласуется с корабельным гномом Гошей, а рядом с ними отлично уживается хрустальный барабанщик Тильна... В сущности, из самых простых, но очень точно найденных и безупречно подогнанных к месту слов соткана такая атмосфера, в которой возможны настоящие чудеса.

Но фантастические повороты сюжета, «материализующиеся» из «чистого субстрата» языка, все время балансируют на грани между «плотной» сказочной реальностью и детским фантазированием — очень распространенной разновидностью детской игры. Причем по мере нарастания психологической готовности читателя (Крапивин очень совершенно сознательно и очень умело организует этот процесс) игровой компонент усиливается, и уже все происходящее на страницах повести-сказки воспринимается читателем как изящная, остроумная, озорная игра, которая тоже (как и язык) интересна не столько неожиданными поворотами сюжета или поучительным итогом, сколько самим течением, узорчатым переплетением сюжетных линий.

Между тем это сюжетное «



макраме» — не прихотливая и бесцельная игра ума и воображения. С его помощью формируется даже не столько образ создаваемого Крапивинным сказочного мира (как обычно пишут критики), а мироощущение, которое затем (уже в реальной жизни юного читателя) оборачивается базой мировоззрения и поведения. Я не рискую сейчас внедряться в скрытые от поверхностного наблюдения недра достаточно сложного социально-психологического механизма формирования духовного следа от прочитанного, чтобы более содержательно раскрыть эту мысль. Ограничусь поверхностным сравнением.

Ежедневные теленовости, состоящие сплошь из стихийных и техногенных бедствий, криминальных разборок и террористических актов, формируют катастрофическое мироощущение. А вот у Крапивина даже дождь — теплый, от него не простуживаются; ветер сильный, но мальчика на зонтике он несет бережно; ребята с другой улицы вначале встречают незнакомого летуна враждебно, но, оказывается, лишь по недоразумению, а потом они становятся надежными друзьями. И волшебство здесь доброе. И сюжет ведет к счастливому финалу. Что это — благостный обман? Ограждение юного читателя от суровой реальности?..

К сожалению, и в обиходе, и даже в сочинениях ученых педагогов получило широкое распространение (если только не возобладали примитивное представление, будто ребенка надо с детства «психологически закалять» — готовить к мерзостям «взрослой» жизни и вообще к тем беспощадным отношениям, с которыми ему, повзрослев, непременно предстоит встретиться. При этом почему-то не обсуждается другая версия — что, заранее готовя себя к вступлению во враждебный мир, этот «реалистически воспитанный» ребенок сам станет дополнительным источником



Юлия Налбандян, Ростов-на-Дону

М иша Веретенников, переславший мне письмо В.Крапивина и рассказ о конференции в Энгельсе, совершил страшное преступление. «Солидная» преподавательница забросила на какое-то

агрессивности. Безусловно, причины и следствия социального поведения в самой жизни изрядно перепутаны, проблему яйца и курицы применительно к этой сфере вряд ли кому-то удастся разрешить убедительно для всех. И все же я готов отстаивать версию, что крапивинский вариант «наивного благородства» социально продуктивнее «умудренной агрессивности», которую проповедуют сторонники «реалистической» педагогики.

То, что я назвал «наивным благородством» (а можно бы и донкихотством — привычнее) критики почему-то считают по ведомству романтизма: «Романтические идеалы, извлеченные из мира невозвратного детства». (Я процитировал очерк о Крапивине в коллективном труде екатеринбургских ученых «Литература Урала».) Я бы, во-первых, посоветовал не путать романтику с романтизмом. Но главное: идеалы добра, чести, человечности — вовсе не «из детства», они — вневозрастные. Но взрослые, перегруженные житейским опытом, этим идеалам следовать не могут. Для них это как бы вехи математически рассчитанной траектории полета, не учитывающей плотности атмосферы, силы ветра, атмосферных осадков и т.п. факторов, из-за которых мы летаем всегда намного ниже. А дети таким опытом не обременены, поэтому их нравственные траектории выглядят со стороны взрослых безрассудными. Не мудрено, что им по этой причине приходится так часто вступать в конфликты с умудренными взрослыми (не только у Крапивина, но и в реальной жизни). И вот что любопытно: не так уж редко с точки зрения взрослого читателя крапивинских вещей его «положительные» (как недавно принято было говорить) герои не кажутся правыми, но и в своей неправоте они служат нам укором...

Система ценностей, на которые ориентированы юные крапивинские герои, в «прошлой жизни»



ассоциировалась с ценностями, декларируемыми идеологией социализма. *Дружба* — самое очевидное и конкретное проявление коллективизма. Крапивинский сюжет без дружбы, пожалуй, просто не бывает, он бы даже и не мог сложиться, потому что дружба — одна из основ «мироздания по Крапивину». Состояние одиночества здесь — независимо от его причины — воспринимается как величайшее несчастье, разрыв одиночества — кульминация действия. *Бескорыстие* — сколько главные отношения между людьми строятся на духовной основе. *Достоинство личности*: не надо повторять общие места о «бесчеловечном режиме», лучше вспомните,

как часто повторялось и даже насаждалось горьковское — «Человек — это звучит гордо!»

Поэтому Крапивина советская власть официально поддерживала, награждала его орденами, почетными званиями, премиями. Поддерживала «на верхних этажах», но творила много мелких и крупных неприятностей в повседневной практической жизни. По-видимому, в том проявлялось объективное противоречие: в жизни-то социалистические идеалы служили только антуражем, реальные отношения строились по совсем иным законам. Так что «мироздание по Крапивину» на бытовом уровне часто вступало в конфликтные отношения с «мирозданием по райкому, райотделу МВД, наробразу». Лауреат премии Ленинского комсомола Крапивин, не замеченный в диссидентстве, активно разрушал существовавшую псевдосоциалистическую систему, и она это чувствовала.

Однако после 1991 года в «демократических кругах» стали проскальзывать недобрые разговоры про «писателя пионерской темы», про славу, искусственно подогревавшуюся по инициативе ЦН комсомола... Не замечал, чтоб это сколько-нибудь заметно просачивалось в печать, но, думаю, Владиславу



хочется, чтобы у мальчишки оказался настоящий брат-летчик! Чтобы всё кончилось хорошо!

А еще помню «Великое противостояние». В третьем классе я читал и перечитывал эту вещь вдоль и поперек. Она казалась мне тогда громадной, как многотомная эпопея... «Кондуит и Швамбранию» я прочитал позже (в сороковых годах эта книга была, по-моему, под запретом), хотя тоже еще школьником. Разумеется, впечатление было самое отрадное. Эти повести стали для меня такими же любимыми, как «Белеет парус одинокий» В. Катаева.

Как ни странно, «Вратаря республики» я в детстве не читал, но фильм «Вратарь» смотрел неоднократно — с тем же восторгом, что и мои друзья-приятели с нашего двора на улице Герцена. Мама Павлика Шадрина работала администратором кинотеатра и, случалось, бесплатно проводила нашу ребячью компанию на детские сеансы. Мы устраивались в зале на замусоренных подсолнухом половицах у большущей, как крепостная башня, печки и очередной раз, обмирая, погружались в «мир черно-белого кино». И всё это были не просто книги и фильмы, а часть нашего бытия, часть той вселенной, в которой мы, дети сороковых и пятидесятих годов, существовали... В шестьдесят пятом году я выписал пятитомник Л. Кассиля, и с тех пор эти книжки (весьма потрепанные многочисленными читателями из отряда «Каравелла») у меня на полке рядом с Паустовским, Гринем, Кавриным, Гайдаром, Пантелеевым, Маршаком...

Кстати, уже став профессиональным литератором, я

А дальше... А дальше в результате «цепной реакции» на свет появились еще два материала, которые и предлагаются вашему вниманию.

Г.В.Нефёдова, ведущий библиограф по работе с детьми ЦДБ им. Л.Кассиля, г.Энгельс

«В Швамбрании мы жили в бриллиантовом доме на 1001 этаже, а в Покровске на первом этаже на Базарной площади» — писал Лев Кассиль в своей знаменитой повести «Кондуит и Швамбрания». Эта страна всеобщего благоденствия была открыта двумя братьями, отбывающими наказание в тёмном чулане. Прошло много лет, но дом этот, большой, красивый особняк, принадлежавший одной из

многое почерпнул у Льва Абрамовича для общения с читательской аудиторией (кое-что он рассказывал на семинаре, кое-что я читал в его воспоминаниях). Например, как здорово он пишет о падающих в тишине гардеробных бирках или о девочке, спрашивающей: «А скоро ли будет кино?»... Когда мне задают вопрос: «Почему вы все время пишете о мальчишках и почти совсем не пишете о девочках?», я отвечаю как Кассиль: «Потому что в детстве я был мальчиком и никогда не был девочкой».

Правда, при этом всегда ссылаюсь на первоисточник.

Теперь о Вашем вопросе, есть ли у меня внутренняя связь с Гайдаром и Кассилем. Мне кажется, внутренняя связь есть, но насколько она отражается в книжках, судить не мне. На то есть литературоведы. К ним я, кстати, отношусь настороженно. Например, восторженные аханья некоторых рецензентов, которые (в основном в семидесятых годах) именовали меня «вторым Гайдаром», я воспринимал «со скрежетом зубным». (Потому что предпочитал быть хотя и не Гайдаром, а самим собой, но все-таки первым — в силу своих скромных возможностей). С той же осторожностью я отношусь и к исследованиям Я.Цукерника. Конечно, это интересный литературовед, но мне кажется, он часто бывает излишне эмоционален и субъективен.

В заключение позвольте поблагодарить Вас за внимание к моим книжкам и пожелать всяческих успехов в вашей нелегкой работе.

Владислав Крапивин 4. 07. 2000. Екатеринбург.

О КАССИЛЕ В ПОКРОВСКЕ

самых богатых и влиятельных фамилий, цел до сих пор. Один из владельцев дома (Кассили снимали там квартиру) — первый Почётный гражданин Покровска Николай Алексеевич Ухин. После революции и Кассили переехали в другой дом, и потомки Ухина не могли жить в этом особняке, и много разных контор и учреждений размещалось в нем в последующие годы. Но сейчас дом ремонтируется, там будет картинная галерея, начало коллекции которой подарил городу известный художник А.А.Мильников, которому Ухин приходился дедом.

Однако вернёмся к Швамбрании Покровска. Базарная площадь теперь, как полагают, называется

тает-то? Что такое для Кассиля еще одна книжка, при его-то массе изданий и тиражей! (К тому же, переиздание). Глупый был, не знал еще, что для писателя всякая, пускай сотая или двухсотая книжка — так же радостна, как первая. Какая бы ни была, а все равно родное дитя. И берешь ее на руки, как живого ребенка...

Многого еще тогда не знал, не понимал, о многом не догадывался. В голову не приходило, что вскоре Константин Федотович будет здороваться со мной за руку.

Естественно, что рассказ о Кассиле не мог не заинтересовать жителей нынешнего Энгельса (родины писателя). Завязалась переписка между Галиной Васильевной Нефедовой, работающей в Центральной Детской библиотеке имени Л.Кассиля, и Владиславом Петровичем. И появилось продолжение воспоминаний писателя:

Уважаемая Галина Васильевна! Уважаемые коллеги! Ваше письмо с просьбой написать о Л.А.Кассиле вызвало у меня кое-какие воспоминания. Причем, как ни странно, хуже всего я помню встречи с самим Львом Абрамовичем, когда он руководил нашим молодежным семинаром в 1963 году. То есть помню его внешность, манеру разговора, какие-то мелкие детали, но почти стерлось из памяти содержание наших бесед. Осталась в памяти только его подчеркнуто уважительная манера разговора и порой (как мне казалось) быстрый испытующий взгляд: «Интересно, что же из вас получится в будущем, молодые люди?»

Моя забывчивость объясняется, видимо тем, что в те дни эмоциональное восприятие действительности (я в Москве, я причастен к настоящей литературе!) сбивало меня с толку и не давало возможности запоминать все подробно и по порядку. Хорошо помню только беседу, когда Лев Абрамович вразумлял впавших в критический раж литераторов-юнцов, которые громили своего собрата, напечатанного в журнале «Юность» повесть о студентах. Главным героем автор сделал отнюдь не отличника учебы и передовика-комсомольца, а эгоиста, лодыря и пижона. И вот разгоряченные юноши клевали беднягу, исходя из принципа, что «если ставишь во главу угла такого, значит и сам такой». Моя робкая попытка заметить, что не следует отождествлять автора с героем, была мимоходом отмечена. И я был счастлив, когда Лев Абрамович взял слово и (как мне показалось, слегка морщась от коллективной горячности и бестолковости участников семинара) поддержал меня и сказал, что судить о позициях автора следует не по тому, кого он взял в герои, а по тому, каково его отношение к этому

Помыслить не мог, что когда-то имена Кассиля и мое окажутся на соседних страницах в «Литературном энциклопедическом словаре». Не смел надеяться, что наступит день, когда я увижу свою очередную книжку, изданную в той же заманчивой для себя серии («Библиотека приключений и научной фантастики», золотая «рамка»), в которой напечатали «Чашу гладиатора» Кассиля.» [В.П.Крапивин, «Под знаком „Ориона“»]

персонажу. Тут все сразу малость остыли, а я в глубине души возгордился... Гораздо лучше я помню Кассиля как автора книг. Эти книги были неразрывны с моим детством. Можно сказать, были частью моего детства. Я жил тогда в Тюмени, в старом деревянном доме, за стеной обитал мой приятель Павлик Шадрин, у него с братом было много интересных книжек. Я приходил к ним в комнату, забирался на Пашкину кровать, брал со стола книгу наугад и погружался в чтение. Так, например, я прочитал «Дорогих моих мальчишек». Я их проглотил, а книжка эта «проглотила» меня, как бы поселила внутрь себя. Еще бы! Там были и ребята, удивительно похожие на моих приятелей, и юнги (я сам отчаянно мечтал стать моряком), и маленький, но настоящий, боевой корабль; и удивительная сказка... Помню, как я разозлился на какого-то зануду-критика, который в газете (не помню, в какой, я заглянул в нее случайно, потому что взрослые газеты читал редко) снисходительно написал, что «книгу можно оценить положительно, за исключением сказки о Синегории, которая не усиливает, а ослабляет повесть»... То были времена, когда к романтике относились как к чуждому влиянию (если употребляли слово «романтика», то обязательно с эпитетом «ложная»). Потом, уже взрослым, я узнал, сколько горького хлебнул Лев Абрамович за свое пристрастие к этой «ложной» литературной тенденции.

Еще воспоминание. Кажется, это было во втором классе, сорок шестой год. Маленькое кирпичное здание начальной школы, синий вечер за морозными окнами, мы сидим в пальто и варежках, потому что печи не топлены, нет дров. О том, чтобы писать или решать задачки, не может быть и речи. Учительница Прасковья

Петровичу порой бывало неуютно и от шущуканья за спиной. Был даже момент, когда мне показалось, что Крапивин совершает насилие над собой, пытаюсь — не мировоззренчески, ни в коем случае! — но, по крайней мере, сюжетно приспособиться к новым временам. Появляется у него в одной из повестей благородный батюшка, носитель высших христианских добродетелей, и какие-то полуфантастические игры вокруг чудодейственной иконы...

К счастью, время все расставило по своим местам, и Крапивин быстро стал снова тем Крапивинным, от которого читатели и не помышляли отворачиваться после революционно-криминальных перемен в стране. И, как мне показалось, отнюдь не только своими новыми вещами, так сказать, по житейской фактуре более соответствующим новому времени, но всем своим практически уже сорокалетним творчеством Крапивин вышел сегодня к самым острым проблемам времени.

Дело в том, что сегодня даже в благополучных странах Запада нарастает растерянность по поводу разрушительного воздействия на мораль и вообще на психику ребенка, подростка «ценностей» потребительского общества. В России эта опасность ощущается гораздо острее из-за отсутствия веками выработанных иммунных механизмов. Психология потребительства действует на российского подростка примерно так же, как алкоголь на чукчу. И если раньше — при всех безобразиях российской жизни — детство едва ли не на уровне инстинкта оберегалось обществом как «остров безопасности», то сейчас все ограждения и блокировки, охранявшие этот остров, порушены и смыты мутным потоком безудержной коммерциализации всего и вся. (Об этом мы писали с доктором медицины Я.А.Халеминым в статье «Спасите наши души!» Урал, 1997, № 7.)

В этих условиях романы, повести, сказки В.П. Крапивина приобретают особое значение: они способствуют укреплению иммунитета души — единственного реального барьера на пути упомянутого потока. И совершенно замечательно, что дети еще не разучились читать Крапивина, грешно было бы этим обстоятельством не воспользоваться. Более того, естественному влечению к интересной книге нужно в той мере, в какой только возможно, помочь: чтобы, во-первых, предельно расширить круг крапивинских читателей, во-вторых — чтоб максимально использовать энергию добра, чести, достоинства, заключенную в книгах писателя. Понимаю, что такие пожелания выглядят слишком отвлеченными, чтоб претендовать на практический результат, — и тем не менее настаиваю, что они исполнимы, если к делу подойти творчески. Сделать эффективные шаги в этом направлении под силу и библиотеке, и школе. Но надо действовать с умом и величайшим тактом, не следует насаждать Крапивина, как картошку при Екатерине, — результат окажется прямо противоположным желаемому.



В оформлении статьи использованы рисунки В.Медведева и Е.Стерлиговой к повести В.Крапивина «Возвращение клипера „Ярчет“»

Владислав Крапивин РАЗЪЯСНЕНИЯ АВТОРА

Долгое время я колебался: надо ли помещать в книгу свои первые литературные опыты — плоды мучительных ученических терзаний, когда еще не хватало ни сил, ни умения, чтобы написать полноценный рассказ (не говоря уже о повести). И все же решился. По нескольким причинам.

Во-первых, объявлено, что это Собрание сочинений — полное (точнее говоря, почти полное). Значит, автор обязан включить в него как можно больше из того, что сочинил.

Во-вторых, я вернулся в памяти к героям своих первых рассказов и вдруг понял, что они были друзьями моей литературной юности, помощниками в попытках найти писательскую дорогу. И если я изобразил этих мальчишек и девчонок без должного мастерства, разве они виноваты? Было бы совсем не по-товарищески с моей стороны лишить их единственной возможности встретиться с читателем.

А в-третьих, вот что. Не раз в письмах и на встречах с читателями ребята и взрослые меня просили: "Расскажите подробнее о вашем творческом пути".

Вообще-то выражение "творческий путь" кажется мне чересчур академичным и применимым только к классикам. Но как сказать иначе, не зная... Путь — он все-таки был. А как можно говорить о пути, не показав его начала?

Я вытащил из архива стопки толстых студенческих тетрадей со слипшимися клеенчатыми обложками (они отдираются друг от друга с хрустом). Там, среди конспектов по журналистике и политэкономии, обрывочно, отдельными кусками записаны мои первые рассказы — карандашами и старыми перьевыми ручками. Главным образом это новеллы и этюды о моих знакомых мальчишках, о друзьях школьного детства, о ребятах-однокурсниках. Никакого другого "жизненного багажа" у меня тогда не было.

Никто, кроме самых близких моих друзей, этих рассказов не читал (а некоторые до сей поры не читал вообще никто). Исключение составляет лишь "Восьмая звезда". Ее я осмелился предложить газете "Вечерний Свердловск". И (вот счастье-то!) — напечатали!..

Потом "Восьмая звезда" была помещена в мою первую тоненькую книжку, а больше никогда не публиковалась. Так что судьба этого рассказа не многим отличается от других, вообще не напечатанных...

Перечитывая почти забытые строчки, я словно возвращался в юность. К "мукам творчества" и к тем редким радостям, когда вдруг понимал: эта строчка мне удалась!..

Сейчас я отдаю свои самые ранние рассказы тем читателям, которые всегда были добры ко мне и поддерживали меня своим дружеским вниманием. Надеюсь, они будут снисходительны и учтут, что перед ними не произведения литератора-профессионала, а строки начинающего автора, почти такого же мальчишки, как его герои... И может быть, кому-то из этих внимательных читателей будет интересно проследить,

Издательство «Центрополиграф» завершает выпуск собрания сочинений Владислава Петровича Крапивина. Вместо задуманных 27 томов получилось 30, причем 28 уже вышли из печати. Все произведения разбиты на циклы — «Сказки о парусах и крыльях», «В глубине Великого Кристалла», «Острова и капитаны», «Сказки и были Безлюдных пространств», «Мушкетер и фея», «Золотое колечко на границе тьмы», и по сложившейся доброй традиции том, открывающий цикл, начинается с предисловия.

Среди авторов — бывшие и действующие «плоцманиты»: Дмитрий Байкалов, Константин Гришин, Борис Тараканов и многие другие. Мы предлагаем вашему вниманию некоторые из них. В том числе — и то, что написал Владислав Петрович, предваряя том «Восьмая звезда». Не забудьте — издательство принимает заказы на пересылку книг наложенным платежом (111024, Москва, а/я 18, "Центрополиграф"), а в Москве по издательским ценам их можно купить в магазине на Октябрьской, 18 (тел. .284-49-89).

НЕОКОНЧЕННЫЙ РАЗГОВОР ИЛИ РАЗДУМЬЯ О КАССИЛЕ, И НЕ ТОЛЬКО

Как-то так получилось, что в последнее время наиболее часто обсуждаются «художественные» произведения Владислава Крапивина. А поразительно-щемящие автобиографические истории остаются как бы в стороне. Между тем именно при чтении таких повестей как «Однажды играли», «Зяц Митька», «Битанго» возникает Со-Беседование автора и читателя, рождается Со-Переживание... Вот, например, появились в «Урале» воспоминания «Под знаком „Ориона“». Обычное дело, не так ли? Только имела эта публикация необычные последствия. Впрочем, сначала — отрывок из журнальной публикации.

«...На совещании молодых, все еще было впереди. И надежды, и страхи — получится ли? Чтобы «получилось», недостаточно было данных природой способностей. Требовалось немалое трудолюбие и терпение. Это внушал нам руководитель семинара Лев Абрамович Кассиль.

Подумать только, **тот самый** Кассиль, чьи книжки мы взахлеб глотали в школьные годы! Человек-легенда, представитель иной эпохи. Казалось, он должен выглядеть седобородым патриархом. А это был сухощавый подтянутый мужчина — джентльмен и спортсмен. С живыми жестами, с быстрым, порой ироническим взглядом. Ну и не мудрено! Ведь (посчитал сейчас) ему тогда было меньше лет, чем сейчас мне, шестидесятилетнему. Он никого не обошел своим вниманием, досталось несколько добрых слов и мне. Что-то об «энергичных и живых рассказах молодого уральца Владислава Крапивина». Этого мне хватило, чтобы неделю чувствовать себя окрыленным. А вообще-то на семинаре я отчаянно стеснялся и старался укрыться за большущей фарфоровой лампой, украшавшей стол «нашей» гостиной в новом здании ЦДЛ...»

Из-за этой лампы я увидел однажды незнакомого пожилого человека, с которым все обращались крайне почтительно. Это был директор издательства «Детская литература» Константин Федотович Пискунов. Человек, знавший и печатавший Гайдара и Житкова, Маршана и Паустовского, всех знаменитых авторов детских книжек... Теперь Константин Федотович сетовал, что Кассиль задерживается. Он принес Льву Абрамовичу только что изданную книгу «Чаша гладиатора» и хотел вручить ее здесь, перед лицом почтительно взирающих на это молодых людей.

Кассиль появился, и вручение состоялось. Под наши аплодисменты. Лев Абрамович был неподдельно рад. А я, признаться, удивлялся про себя: чего



Сергей. И в первой повести этой трилогии Славка становится как бы товарищем старшего брата, чье детство пришлось на тридцатые годы. Смотрит на довоенный мир глазами брата и его друзей. И уже потом, в других частях, превращается в реального младшего братишку — любящего, преданного...

Имена героев в трилогии «Алые перья стрел» изменены, но от этого она не становится менее автобиографичной... А что касается романа «Давно закончилась осада...», то здесь тоже все объяснимо. Севастополь всегда был настолько неотъемлемой частью биографии писателя, что это вполне позволяет ему вольно переносить себя в любое время и пространство этого легендарного приморского мира. И уже не удивительно, что ближайшим другом главного героя становится Город. Он для Крапивина вполне одушевлен, а значит, и относиться к нему надо как к живому существу: «Какой ты красивый, Город...» И тогда ни время, ни политические неурядицы не обретут власти над ним — в нем всегда будут море, мальчишки, башни, какой-то особый «севастопольский» дух... И всегда будут до блеска начищены кнехты на старинной Графской пристани.

*...Синий мир, где вдалеке
видны старые маяки.
И о желтый камень
дробится стекло —
Голубое стекло волны.
Севастополь,
Солнце мое
В тишине летящих минут...*

Именно такой Севастополь, Город Обетованный, воспетый еще Паустовским, проходит красной нитью через все творчество Владислава Крапивина. «...Это мой Город. Имя его — тайна...»

Вся эта своеобразная эклектика времен, пространств, ситуаций и человеческих судеб образует в произведениях Владислава Петровича единое целое, один



большой живой мир, в котором взаимосвязано абсолютно все. И уже не удивительно, что Луна в нем может иногда становиться живой (и, если очень постараться, с ней даже можно поиграть, как с мячиком), а от прочности бечевки воздушного змея, удерживаемой на земле мальчишескими руками, зависит безопасность авиалайнера Гавана-Москва... Возможно, именно в таком «вселенском подходе» кроется один из секретов магического свойства прозы Владислава Крапивина — действовать пусть и не на любого читателя, но зато сразу, безотказно и навсегда. Ведь в основе «крапивинской Вселенной» лежат, прежде всего, Детство и Дорога. А в Дорогу

всегда следует брать лишь подлинные ценности — любовь, дружбу, преданность и милые сердцу воспоминания.

Недавно Владислав Петрович сказал автору статьи: «...эти ценности особенно ярко проявляются именно где-то «на границе тьмы», когда человеку уже много лет. Они высвечиваются ярко, как золотое колечко кратера на лунном терминаторе. И нет грусти... Есть только понимание, сколько истинных богатств ты накопил за всю свою жизнь и как надо беречь эти богатства».

И тогда прошедшее Детство всегда будет где-то рядом. Как в старой песне:

*И кажется в этот миг,
Что там, за дымной листвы,
Спряталось Детство твое
И грустно глядит на тебя...*

Ведь не на пустом же месте возникло старинное предание о том, что Детство так же бессмертно, как и Душа. «Тайна сия велика есть». Кто знает, может быть, наше ушедшее Детство действительно живет где-то рядом и грустно глядит на нас из-за дымки листвы или из старого деревянного дома с заколоченными окнами. Значит, надо стараться, чтобы грусть эта была светлой, без разочарования. «Чтобы не было стыдно перед собственным Детством». И повести цикла «Золотое колечко на границе тьмы» обязательно нам в этом помогут. •

как в первых новеллах «проклеивались» идеи будущих, более крупных вещей (например, повести «Тень Каравеллы»).

А читатели суровые и беспристрастные здесь легко смогут подвергнуть юного автора критике за излишнюю прямолинейность, за чрезмерную романтичность стиля, а также за повторение сюжетов и деталей. Повторения объясняются тем, что, закончив очередное «творение», я тут же приходил к скорбному выводу: оно нигде не годится и печататься никогда не будет! И потому безжалостно выдергивал из этого «утиля» строчки и фрагменты, которые казались хоть на что-то годными — чтобы вставить их в новые вещи.

А рассказ «Восьмая звезда» все-таки самый главный в этой подборке. Потому что со дня его публикации в газете — 17 октября 1959 года — пенсионное ведомство ведет официальный отчет моего литературного стажа. Спасибо тебе, звездочка из созвездия Большой Медведицы...

Я перечитывал рассказ и повторял про себя название: «Восьмая звезда», «Восьмая звезда», «Восьмая...» Словно тихое эхо, отзывалось в мыслях окончание слова: «...мая... ая... А — Я...» И вдруг показалось — это не случайно. Ведь здесь, в этом Собрании, в самом деле «А» и «Я» моей писательской дороги. По крайней мере, на данный момент. Как бы две вехи пути, по которому я топаю больше сорока лет. Вехой «Я» ко времени составления этой книги оказалась повесть «Мальчик девочку искал», большая сказка, которую я закончил весной 2000 года.

По первоначальному замыслу данный том должен был завершать Собрание. Но потом выяснилось, что повесть про мальчика и девочку не укладывается ни в какой цикл, кроме «Мушкетера и феи», да и герои первых рассказов — все как на подбор с мушкетерскими характеристиками. Вот и пришлось сдвинуть книгу немного назад. Тем более, что, пока книга готовилась, последняя повесть перестала быть последней, я написал еще несколько вещей. Кстати, в последней маленькой повести «След ребячьих сандалий» тоже есть кое-что о юных «мушкетерах и феях».

Но все-таки этот том в каком-то смысле итоговый — «А» и «Я».

Строгий читатель сейчас вполне имеет право на реплику. Мол, если судить по данной сказке, то «А» и «Я» не слишком отличаются друг от друга и автор недалеко ушел от начала. И посему, может быть, стоило ограничиться одной этой книгой?

Ну, возможно... Хотя судить о дороге лишь по двум вехам, поставленным в начале и на одной из последних остановок, все-таки не следует. Вехи могут быть похожими, как два остроганных шеста, а на длинной дистанции между ними встречается всякое... Впрочем, об этом опять же пусть судят читатели.

28 ноября 2000 года



ДМИТРИЙ БАЙКАЛОВ ЛЮДИ ЖИВЫХ МИРОВ

*О, понять, как безмерно пространство,
Множественность и безграничность миров!
Появиться на свет и побить заодно с небесами,
с солнцем, с луною, с летящими тучами!
Уолт Уитмен. «Песня радостей»*

Вам никогда не хотелось уйти из нашего, полного забот и сует, агрессии и нетерпимости, реального мира в какой-нибудь другой? В мир, куда не могут проникать недобрые люди, где, в силу самой структуры, зло просто невозможно. Если станет совсем невтерпёж, и возникнет такое желание — поищите где-нибудь неподалеку пустырь или заброшенный завод. Вдруг вам действительно откроется проход в Безлюдное пространство!

Безлюдные пространства — это не пространства, в которых нет людей. Это просто места, уставшие от человеческой злобы, от ненависти, переполнившей все вокруг. Ведь «...пространства в разных измерениях должны отдыхать от людей. Тем более, что люди постоянно делают глупости: воюют, природу портят. Второй раз пустынные пространства вредных людей на себя не пустят.

... Потому что каждое Безлюдное Пространство сделалось живым. Люди ушли, а оно как бы сохранило человеческую душу...» — так объясняет происхождение Пространств ученый, которого все зовут Стариком. Это параллельные миры, которые пытаются соответствовать основному значению слова «мир». Ведь «мир» — это, прежде всего, отсутствие войны. Наверное, именно поэтому эти пространства расположены, как правило, на территории заросших травой полуразрушенных военных объектов. Но это только первый слой, своеобразный предбанник, через который можно попасть в действительно странные миры. Там перепутались время и расстояние, сон и явь, сказка и реальность.

Впрочем, впервые мы попадаем в Безлюдные пространства отнюдь не через заброшенный пустырь. Нас туда приводит четвероклассник Лесь Носов по прозвищу Гулькин Нос, герой повести «Дырчатая Луна». А вход расположен на берегу моря, в развалинах античного города, сильно напоминающего Херсонес. Надо только в нужный момент времени переступить через тень от остатков древней колонны — и можно очутиться в Бухте, о Которой Никто Не Знает. В этой бухте время замедляется и уже чувствуется дыхание Безлюдных Пространств. До которых отсюда рукой подать.

«Дырчатая Луна» — первое произведение из цикла «Сказки и были Безлюдных пространств». Кроме того, в цикл входят повести «Самолет по имени Сережка» и «Лето кончится не скоро», а также роман «Лунайки, где



совесть? В какой-то мере...» В общем, как говорил персонаж одного старого детского фильма: «Вполне нормальный ребенок!»

По словам автора, в «рассказах о себе самом» реальность часто переплетается с вымыслом и снами (причем граница между ними не всегда видна прежде всего ему самому). Но здесь писателя полностью оправдывает им же выведенная формула: «Всё, что помнится, — БЫЛО!» И тогда начинаешь понимать, что перед тобой не просто цикл повестей мемуарного жанра и не осколки прошлого, из которых составлена мозаика трогательной повести «Однажды играли» (по странному стечению обстоятельств вошедшей в другой цикл), а полноценное изобразительное полотно — богатый и с безупречным вкусом инкрустированный памятник собственному Детству. Можно подойти близко и рассмотреть многочисленные детали, а можно сделать шаг назад и попытаться охватить сразу всё. Порой от открывшегося вида захватывает дух.

В такие моменты возникает желание чаще задумываться о собственном детстве — вновь хочется что-то вспомнить, заново осмыслить, пересмотреть... Провести своеобразную «инвентаризацию событий», как это делает Владислав Петрович, например, в повести «Битанго», где современность (точнее, не столь отдаленное прошлое) соединяется в странном симбиозе то с яркими картинами детства, то с романтическими воспоминаниями о студенческой поре, то с буквально фантазмагорическими ассоциациями, навеянными размышлениями «о жизни прошлой».

И ранняя, и сегодняшняя проза Крапивина пронизана мощным поэтическим началом — весьма непросто найти произведение, где в той или иной форме автором не исползовались бы стихи. Стихотворный сборник вошел в автобиографический цикл не случайно. Дело в том, что автор отнюдь не причисляет себя «к лику поэтов» и честно сообщает об этом читателю: «Сам я на эти стихотворения смотрю не как на литературные произведения, а, скорее, как на страницы дневника...» Стихотворения Крапивина — это, прежде всего, маленькие странички биографии, наполненные живыми красками своего времени. Яркие,

эмоциональные, порой наивные (подозреваю, что специально), неуловимо напоминающие солоухинские «Камешки на ладоно».

К поэтическому творчеству Владислава Петровича можно относиться по-разному: уважительно, иронично, скептически, равнодушно... А можно, подобно композитору Антану Фёдорову, просто сочинить на его стихи замечательную музыку для смешанного хора а cappella. Тут уж поистине каждому — свое.

Реалистичность подхода к мелочам, из которых, собственно, и состоит жизнь, всегда была сильной стороной писателя. Он как бы выстраивает мост между собственным бытием и читательским Сознанием — именно поэтому все повести цикла «Золотое колечко на границе тьмы» отличает поразительная достоверность изложения. Но нет-нет, а проскочит в них излюбленная тема параллельных пространств и взаимодействия разных миров — даже ограниченный рамками «традиций реалистичной прозы» Владислав Петрович остается неисправимым философом, пытающимся и осмыслить Вселенную, и как бы создать ее заново, в том числе и через собственные детские фантазии: «Возможно, между детскими фантазиями и парадоксами многомерных пространств существует что-то общее...» А ведь детские фантазии, в отличие от взрослых, чаще всего не так эфемерны, как об этом принято думать.

Вселенная Крапивина неизмеримо сложна и одновременно удивительно близка для восприятия — миры ее параллельны и неисчислимы, но в то же время гибки и понятны. Разве можно оставить без применения эти столь полезные свойства? В романе «Давно закончилась осада...» автор ничтоже сумняшеся (а как же иначе!) пренебрегает законами пространства-времени и переносит себя, реального тюменского мальчишку послевоенных лет, в Севастополь XIX века и нарекает другим именем. По крайней мере, автор рассказывал, что главный герой «Осады...» Коля Лазунов — это он сам, Славка, со всеми своими сомнениями, страхами, горестями и радостями.

В «Алых перьях стрел» писатель тоже смещает себя во времени. В качестве главных героев там фигурирует он сам и его старший брат



границе тьмы». Видимо, после пятидесятилетнего порога в жизни многих писателей наступает момент, когда они приступают к своей Итоговой Книге (необязательно последней). Часто в основу ее кладется автобиографический материал. Если мы обратимся к классике русской литературы, то увидим, что и «Жизнь Арсеньева», и «Братья Карамазовы», и «Доктор Живаго», и «Юнкера...» — все они создавались в период между пятьюдесятью и шестьюдесятью годами в жизни авторов. Творчество Владислава Крапивина только подтверждает эти наблюдения — именно после пятидесяти автор порадовал читателей такими пронизывающими душу вещами, как «Босиком по Африке», «Заяц Митька» и, наконец, «Золотое колечко на границе тьмы».



громких слов, но с массой многозначительных подробностей.

По правде говоря, пресловутое «разбиение на циклы» произведений Крапивина всегда носило довольно условный характер и было результатом скорее «творчества» издателей, нежели самого писателя. Как верно подметил один из его поклонников, Крапивин всю свою жизнь пишет одно большое произведение. Это как бы летопись жизни, протекающих по граням Великого Кристалла Мироздания. Жизней, не похожих друг на друга, но по Чей-то воле крепко взаимосвязанных на невидимом уровне.

Повести цикла «Золотое колечко на границе тьмы», написанные в последнее десятилетие XX века, перенесут нас на ту Грань Вселенной, где прошло детство писателя, где живут прототипы героев, населяющих другие Грани — описываемые им миры. Темы, персонажи, обстановка, настроение... все вроде бы знакомо нам (ведь о событиях сороковых–пятидесятых годов Владислав Петрович рассказывал не раз и не два). Однако звучит в «Золотом колечке...» новая интонация. Интонация человека, за чьими плечами шестьдесят лет жизни, из которых более десяти проходят в принципиально изменившейся стране... Может, именно поэтому одной из доминирующих нот становится «светлая ностальгия». Ностальгия по местам, событиям, людям... А среди последних есть и друзья и, как водится, враги. Впрочем, враги они скорее сами себе, и в конце концов начинаешь этих людей просто жалеть — и «поджаренного с

кормы» дядю Хвостю из повести «Мой друг Форик, или Опаляющая страсть киноискусства», и бельмоглазую старуху из «Клада на Смоленской улице», чуть было не учинившую расправу над девятилетним Славкой...

Запас образов, ситуаций, сюжетов и размышлений у Владислава Петровича буквально неисчерпаем! То же самое можно сказать и о запасе доброты. Все создаваемые им миры учат жить, но делают это в высшей степени деликатно. Чаще всего в этих мирах хочется жить, даже когда писатель не пренебрегает достаточно жестокими «правдами жизни», а Добро рисует просто, тонко, без нравоучительных сентенций и

Подробности вообще играют в произведениях Крапивина особую роль — в автобиографических повестях это проявляется наиболее ярко: подробности быта, дружбы да и просто самой жизни выписаны с удивительной рельефностью. С их помощью писатель создает как бы эффект микроскопа, подобно Ивану Шмелёву в его «Лете Господнем», — далекое и без следа исчезнувшее становится вдруг близким и понятным, буквально «своим». И наступает момент, когда начинаешь безоговорочно верить автору — не сочувствовать, не сопереживать, а именно верить. Словно подключаешься собственной душой к душе мальчика Славика, то прыгающего по двору веселым «кентаврэнком», то болезненно переживающего развод родителей, то просто смотрящего на нас сквозь страницы повестей и рассказов и устами себя самого, но уже повзрослевшего, рассказывающего нам свою Историю.

Временами повествование напоминает исповедь. Порой — покаяние, оправдание перед собственным детством. Кстати, по признанию самого повзрослевшего Славика, в детстве сам он мало напоминал описываемых им в разных произведениях мальчишек, на которых ему всегда хотелось быть похожим (тот же Володька из повести «Клад на Смоленской улице») и называемых некоторыми критиками «крапивинскими мальчишками». И привирал, и хулиганил, и дрался, и школу прогуливал, и старшим грубил, и... да всякое бывало. «Мучили меня

пляшут Скворечники». Косвенно примыкают к циклу фантастическая повесть-сказка «Взрыв Генерального штаба» и межзвездная повесть «Полосатый жираф Алик» («Трава для астероидов»). Стоит заметить, что фантастике Крапивина свойственно разделение на циклы по своеобразному пространственно-топологическому признаку. Практически все фантастические (без учета сказок) произведения писателя можно отнести либо к циклу о Великом Кристалле, либо к циклу о Безлюдных пространствах, либо сразу к обоим...

«Дырчатая Луна», как и положено первому произведению цикла, задает своеобразные «правила игры» — идейное содержание и топологию миров. И одновременно постулирует, пусть и на чисто ассоциативном уровне, связь с остальной прозой автора. Например, все действие происходит в приморском южном городе, так похожем на один из главных крапивинских городов-героев — Севастополь. «А Севастополь — это сказка, это город, к которому я постоянно стремлюсь... Немножко гриновский такой, «Город Мечты"...» — утверждал Владислав Петрович в одном из интервью. И все повести об этом (или очень похожем) городе проникнуты почти физическим ощущением лета, солнца, моря и теплого ветра. Не стала исключением и «Дырчатая Луна». Читая повесть, не веришь, что с героями может произойти что-то плохое в этом городе. Однако тема беспокойности и нестабильности современного мира уже начинает звучать и здесь. Мальчик-беженец, умиравший от тоски, беспощадный военный с накачанной шеей и мертвыми глазами (а подобный персонаж теперь весьма частый гость на страницах крапивинских книжек), огромный добрый желтый кузнечик, не погибающий от пуль только благодаря внезапно открывшимся волшебным свойствам — все это звучит диссонансной нотой на общем фоне. Впрочем, ноту эту забывает пение флейты, звучащее на последних страницах повести. Самой светлой повести цикла. С самым благополучным финалом. Больше такого не будет.

Хотя начало следующей повести — «Самолет по имени Серезка», — все же обещает читателям множество положительных эмоций. Несмотря на, то что герой повести — полупарализованный мальчик-инвалид, с первых страниц становится вроде бы ясно, что это классическая повесть о счастливой мальчишечьей дружбе. По духу, она чем-то напоминает «Тусторону, где ветер» или «Ховер-самолет». Дело так же происходит летом, в небольшом уральском городе (еще одном постоянном городе-персонаже Крапивина). Вместе Ромкой и



Серезкой мы путешествуем по заросшим травой тихим старым переулкам, чувствуя сказочное дыхание этих похожих на волшебные джунгли мест и понимаем, откуда у Крапивина возник замысел Безлюдных пространств. Да он и сам подтверждает в интервью, что эта идея появилась когда-то по пустырям, с заброшенными цехами и всякими свалками. Мне всегда казалось, что там есть какая-то особая, таинственная жизнь». Постепенно реалистическая повесть все больше и больше наполняется сказочным содержанием. Поначалу сказка приходит во снах, потом сны начинают проникать и в реальность. В той же «Дырчатой Луне» еще не до конца понятно, чем же миры Безлюдных пространств принципиально отличаются от миров Великого Кристалла. В «Самолете по имени Серезка» все становится на свои места. Безлюдные пространства — это тоже грань Кристалла, но грань, где сказочное неразделимо связано с настоящим, где сон постоянно перетекает в явь, где время и расстояния живут по совершенно своим законам, ничего общего не имеющего с физическими. В конце концов — эти пространства сами по себе разумны! «Люди их оставили... но раньше-то люди там

жили. Долго-долго. И душа этой жизни на таких пространствах сохранилась. И они теперь... ну, как бы стали сами по себе живые».

Но когда сказка встречается с реальностью, это означает, что не только волшебное оказывает влияние на существующее, но и наоборот. Жестокая действительность, сталкиваясь с иррациональным и добрым, зачастую начинает привносить в сказку свои суровые законы. И трагический финал повести о самолете Сережке суть следствие такого вот столкновения реальностей. И пусть, сказочное и светлое, как будто спохватившись, все же вроде бы одерживает верх, и автор неоднократно повторяет, что «никто не разбился», однако чувство неоднозначности концовки, «открытости» финала не покидает читателя. Тема смерти в таком контексте — вроде бы герои и погибают, но в тоже время возможны и счастливые варианты развития ситуации — впервые так явно звучит у Крапивина именно в этой повести. И непременно возникает во всех следующих частях цикла о Безлюдных пространствах.

Вообще же вопрос об обратимости смерти, о возможности существования по ту сторону Стикса, очень часто возникает в поздних произведениях писателя. Особенно выделяется в этом плане мрачная повесть «Полосатый жираф Алик». Действие повести происходит большей частью на Астероидах, а ведь Астероиды — это место, куда дети попадают после смерти, своеобразный детский рай, аналог Нарнии Клайва Льюиса или Страны Нангиалы из повести Астрид Линдгрен «Братья Львиное сердце». И герои «Алика...» умудряются вернуться на Землю (читай: воскреснуть), но некоторым позже приходится умереть во второй раз...

Во второй раз придется умереть и главному герою «Лето кончится не скоро» Шурке Полушкину. А может, и не придется? Ведь основной лейтмотив многих произведений Крапивина — пока вокруг лето, а рядом верные друзья, ничего плохого случится не может. А лето на той грани Кристалла, куда Шурка, которому пришлось стать ответственным за судьбу человечества, загнал Землю, может не закончиться до тех пор, пока мы делаем «...что-то хорошее. Хоть капельку добра. Может быть она заставит выровняться Весы. А то и качнет их к свету». Многим такая концовка может показаться чересчур слезоточивой и назидательной. Но для чего еще нужны книги, как не для того, чтобы мы становились хоть чуточку добрее по прочтении? А пока Безлюдное Пространство Бугров, ожившее и научившееся принимать решения после всего лишь одного непредсказуемо-доброго

поступка двух юных строителей песчаного города, становится зародышем нового мира. Да и игрушечный город начинает расти и оживать. Чтобы появиться в следующем романе.

«Лужайки, где пляшут скворечники», один из самых больших по объему фантастических романов Крапивина, стал своеобразным подведением итогов. В нем переплелись почти все темы и вопросы, возникающие в произведениях Крапивина в последнее время. В основном, это касается войны. Здесь и тема детей на войне, и боль от того, что происходит в горячих точках, и рассуждения о том, что какие бы благородные цели не преследовала война и какие бы благородные люди в ней не воевали, война остается войной. Здесь и уже упоминавшаяся выше проблема обратимости смерти, и возможность ухода от зла и ненависти в пространства, уставшие от войн, и взаимоотношения этих пространств с окружающими их мирами — как реальным, так и сказочным — и, конечно же, типично крапивинская история дружбы и любви... К принципу построения литературного произведения по типу «роман в романе» Крапивин прибегал уже не раз. Достаточно вспомнить трилогию «Острова и капитаны», повести «Выстрел с монитора» и «Рассекающий пенные гребни». И везде действие «внутреннего» повествования происходило за много лет до основных событий. И то что в «Лужайках...» пересекаются как исторические (или якобы исторические) и современные события, и что красивая сказка сочетается с суровой прозой жизни, и то, что героями разных частей стали ребенок и взрослый — все это только подчеркивает «объединяющую» сущность романа.

Вообще же главными героями крапивинской прозы, несмотря на фантастический ли, исторический ли, бытовой ли антураж остаются люди. Чаще дети, реже взрослые. И хотя мы считаем (и справедливо считаем) цикл о Безлюдных пространствах циклом фантастическим — не это главное. В одном из интервью Владислав Петрович сказал: «Я никогда не старался писать фантастику ради фантастики. У меня фантастика получалась тогда, когда моим героям становилось тесно в трехмерном, обыденном пространстве. Я придумывал всякие другие миры и планеты, чтобы расширить сцену действия для героев. Чтобы они могли реализовать себя более ярко и полно, чем в рамках нынешней жизни...»

Вам не захотелось в Безлюдные пространства? А вдруг они реальные, и вход где-то рядом? И не пора ли вместе с верными друзьями отправиться на поиски? •

Куда подевался мальчик, которым я был?
П. Неруда

Борис Тараканов ВСЁ, ЧТО ПОМНИТСЯ, - БЫЛО...

Серебристым вечером в окраинный двор затихающего города вошел пожилой человек и остановился возле заброшенного деревянного дома с ржавым замком на двери. В этом когда-то уютном доме за окнами первого этажа прошло его детство. По воскресеньям бабушка пекла содовые пышки, а по праздникам дружное семейство собиралось за большим столом... Постояв и поглядев на заколоченные окна, человек вздохнул и пошел прочь, словно в очередной раз убедился, что потерял что-то важное и потеря эта невозможна.

Несколько лет он тщетно пытался найти следы своего детства среди сегодняшней взрослой жизни. Прекрасно понимал, что это невозможно, но в то же время чувствовал — необходимо...

Не думаю, что кто-то смог бы стереть его желание наивным чудачеством. Ведь у каждого из нас порой возникает необходимость заглянуть в собственное прошлое: что-то понять, вспомнить, исправить, кого-то простить или самим получить прощение. Может быть, для того и существует Дорога Воспоминаний, ведущая к самому Детству. Открывается эта Дорога всем, но для каждого по-своему. Иной скажет: «Зачем глубоко и подробно копать прошедшие времена, когда жить надо днем сегодняшним?» И услышит множество версий, соображений, философий...

Так зачем же человеку прошлое? Писатель Владислав Крапивин через повесть своего автобиографического цикла пытается ответить на этот вопрос, который вовсе не кажется ему риторическим. Не вдаваясь в пространные рассуждения, он предлагает нам пройти по его дороге Детства вместе.

Шагая по этой дороге и погружаясь в мир давних событий (мир очень непростой — вспомним, что детство писателя пришлось на сороковые и пятидесятые годы XX века), мы вновь и вновь ловим себя на мысли, что прошлое — отнюдь не «отработанный материал отдельно взятой жизни», а очень важная ее составляющая. И от того, как часто мы будем заглядывать в свое прошлое, возможно, понятнее станет настоящее и хоть немного счастливее будущее.

В большинстве вошедших в этот цикл произведений оживают воспоминания Владислава Петровича одошкольных и школьных годах. Такие воспоминания есть у любого из нас. Они помогают в самые ненастные времена — утешают, согревают, придают силы. И как важно иметь возможность хоть иногда поделиться событиями далекого времени с теми, кому доверяешь. Владислав Крапивин доверяет своему читателю — иначе не появились бы на свет ни «Тень Каравеллы», ни «Однанды играли...», ни «Под созвездием Ориона». И не читали бы мы сейчас цикл откровенных, щемящих повестей, объединенных автором под светлым названием «Золотое колечко на

